Эдуард

ТОПОЛЬ

Элианна, подарок Бога

Эдуард Владимирович Тополь

Элианна, подарок бога

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6370149
Тополь, Эдуард Владимирович Элианна, подарок Бога: [роман]: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-081373-5

Аннотация

«Роман с легендами, без ложной скромности, для взрослых читателей» – так сам автор обозначил жанр этого, зачастую эротического, повествования о любви и интригах вокруг создания первой русской радиостанции в Нью-Йорке.

Содержание

От автора	5
1	6
2	9
3	11
4	12
5	15
6	19
7	20
8	22
9	28
10	33
11	35
12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эдуард Тополь
Элианна, подарок бога
Роман с легендами, без ложной скромности, для взрослых читателей

Христос воскрес, моя Реввека!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.

А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

Александр Пушкин

© Э. Тополь, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2013

От автора

«Элианна, подарок Бога» – новая часть моей кватрологии «Эмиграции».

Собственно говоря, с идеей написать роман об исходе евреев из СССР – эмиграции 70–80-х годов я и нырнул в этот поток в 1978 году. Первая книга «Любожид, или Русская дива» была посвящена отъезду, вторая «Римский период, или Охота на вампира» – пребыванию эмигрантов в Италии в ожидании американской визы, а третья «Московский полет» – первому, в 1989 году, визиту эмигранта в горбачевскую Москву. То есть даже в трех романах не нашлось места моему и не только моему опыту первых лет адаптации на планете по имени США. Но теперь романом «Элианна, подарок Бога», основанным на истории создания первой независимой русской радиостанции в Нью-Йорке, я, хотя бы частично, закрыл этот пробел. И завершил задуманную миссию.

Желаю вам приятного чтения.

1

«Главное в профессии вора – это вовремя смыться», – говорил Игорь Ильинский в фильме «Праздник Святого Йоргена». А главное в профессии романиста, я считаю, это найти первую фразу – камертон будущего романа. Поэтому я двадцать лет не мог начать эту книгу – такой фразы не было. Но недавно я прочел «Мешугу» Исаака Башевис-Зингера, и первая фраза родилась сама собой, точнее, я ее просто вычитал у Зингера. «В тот весенний день 1952 года, когда дверь моего кабинета в редакции еврейской газеты в Нью-Йорке открылась и вошел Макс Абердам, я, по-видимому, от неожиданности испугался и побледнел…»

Я подумал: Господи, как просто! Почему бы и мне не начать так же? Ведь завязка любого романа (моего, во всяком случае) должна быть стремительной, не зря на каждой встрече с читателями я говорю: прочтите первые двадцать строк любой моей книги и, если вас не потянуло читать дальше, закройте ее, и давайте расстанемся навсегда! А тут я написал уже десять строк, а действие еще не началось. Поэтому о Зингере поговорим позже, а сейчас – к делу или, как говорят в кино: «Мотор, начали!»

В тот весенний день 1980 года, когда дверь офиса Культурного центра творческой интеллигенции в Нью-Йорке открылась и вошли Давид Карганов и Марк Палмер, я еще не знал, кто они такие и как их появление изменит мою судьбу. Мы с Морисом Чурайсом сидели над финансовым отчетом, который обязаны были до пятнадцатого апреля сдать в IRS, Налоговое управление США, и с ужасом видели, в какой финансовой, извините, дыре находится наше с ним детище, этот клуб «блуждающих звезд» нашей эмиграции. Мало того, что ни я, как президент, ни Чурайс, как вице-президент, еще ни разу за год существования Центра не смогли выписать себе даже мизерной зарплаты, так у нас не было денег и на бухгалтера, который должен составить отчет нашей «нан-профит», некоммерческой организации, в это страшное американское ведомство.

– А если бы год назад ты послушал меня и начал издавать телепрограмму, мы были бы в шоколаде, как «Бульвар» Варшавского, – в который раз укорил меня Чурайс.

И был совершенно прав – дешевенький «Бульвар», этакая окрошка из статей американских и советских газет, расходился как горячие пирожки, именно из-за того, что Леня Варшавский самым элементарным образом переводил на русский публикуемую в «Нью-Йорк пост» программу американского телевидения и печатал ее в своем журнале. И сто тысяч русскоязычных обитателей Нью-Йорка буквально расхватывали этот «Бульвар» каждый понедельник.

Но разве мог я, бывший корреспондент «Литературной газеты», автор семи художественных фильмов и двух театральных спектаклей в Москве и Вильнюсе, опуститься до издания бульварщины? Разве ради того я бросил в СССР любимых русских женщин, чтобы переводить тут для эмигрантов программу американского телевидения?

А с другой стороны – какой прок в нашем Центре? Вокруг Америка, Нью-Йорк, крыша мира, которая вершит судьбы человечества, а мы…

Как сказано у Ильфа и Петрова, в большом мире делают самолеты и дирижабли, корабли и паровозы, а в маленьком – надувают воздушные шарики «уйди-уйди».

Сидя на этой «крыше мира», в клетушке нашего офиса, как в голубятне с запыленным окном на 42-ю улицу, гудящую круглосуточным потоком машин, мы с Чурайсом складывали на бумаге жидкие взносы членов нашего Центра с грошовыми пожертвованиями еврейских благотворительных организаций (легче, как говорится, выжать воду из камня, чем деньги из раввина), когда, как я уже сказал, дверь нашего офиса открылась и вошли два молодых человека не старше тридцати. На одном – высоком голубоглазом шатене с пышной шевелюрой и пушистыми ресницами киллера женских сердец – был дорогой твидовый пиджак, доро-

гая кремовая рубашка с шелковым галстуком в мелкую крапинку и замечательные туфли из тонкой и словно жеваной кожи. А на втором – круглолицем толстяке с небрежной челкой над живыми карими глазами – были потертые джинсы, простенькая куртка и стоптанные мокасины. Разлаписто шагая (его жирные ляжки терлись друг о друга и мешали прямой походке), этот второй тем не менее первым подошел к моему столу. А пышноволосый шатен чуть отстал, разглядывая расклеенные по стенам самодельные афиши наших мероприятий с участием Беллы Давидович, Бориса Сичкина и Бориса Амарантова в холле реформистской синагоги на 72-й улице Манхэттена.

– Здравствуйте, – сказал толстяк и нетерпеливо щелкнул пальцами левой руки. – Это Культурный центр, да?

– Да… – ответил я выжидающе.

– А вы Вадим Дворкин, президент, так?

– Ну, так…

– Очень хорошо! Вы нам нужны, – заявил он и без всякого приглашения плюхнулся свои толстым задом в потертое кресло, которое стояло перед моим столом. При этом из-за немереной толщины ляжек его ноги вынужденно раскинулись в обе стороны от кресла. – Мы читали ваши статьи в «Новом русском слове», – продолжал он, рассматривая за моей спиной еще одну афишу, нарисованную Чурайсом. – Это то, что нам нужно.

Поскольку при этом он смотрел на афишу, было непонятно – то ли им нужен наш Культурный центр, то ли я, как человек, который пишет в «Новое русское слово».

– А вы кто? – спросил Чурайс, переводя взгляд с толстяка на пышноволосого красавца, который стал читать приколотую к стене пожелтевшую вырезку из «Нью-Йорк Таймс», где сообщалось об открытии нашего Культурного центра почти год назад, летом 1979-го.

– Мы бизнесмены, – сообщил толстяк, сунул пухлую руку в карман куртки и положил на мой стол визитку. – Я Марк Палмер, адвокат и президент «Бизнес консалтинг корпорэйшн». А это мой партнер Давид Карганов, наш офис на Легсингтон-авеню. У нас к вам предложение.

Я взял визитку. Она была на дорогом белом картоне с тиснением мелких букв:

Mark Palmer, President
World Wide Business Consulting Co.
768 Lexington Ave., New York, N.Y, 10019
Tel/Fax (212) 673-1796

И никаких золотых виньеток, как у наших эмигрантов, а просто «Всемирный бизнес консалтинг». Скромно и солидно, как у настоящих американских бизнесменов.

Я поднял глаза:

– Слушаю вас.

– У вас есть полчаса? – спросил Палмер. – У нас внизу лимузин, мы хотим пригласить вас в наш офис.

– Зачем? – ревниво спросил Чурайс.

– И вас тоже, – сказал ему Палмер. – Вы увидите, чем мы занимаемся, а потом мы расскажем вам о нашем предложении. Поехали! – и нетерпеливо щелкнув пальцами левой руки, он легко поднялся, почти вскочил. – Поехали!

– Но мы… мы готовимся к отчету… – промямлил я, готовый, конечно, под любым предлогом отложить эту скучную работу.

– В IRS? – тут же подошел к столу красавчик Карганов и бесцеремонно заглянул в наши бумаги. – Мы вам поможем.

– Легко! – подтвердил Палмер. – Забирайте ваши бумаги, отдадите нашему бухгалтеру, она вам все сделает в лучшем виде!

Я переглянулся с Чурайсом.
– А сколько это будет стоить? – осторожно спросил он у них.
– Да нисколько! – и Палмер опять нетерпеливо щелкнул пальцами.
– Это будет наш донэйшн вашему Центру, – покровительственно улыбнулся красавец.

2

Честно говоря, офис на Лексингтон-авеню не произвел на нас особого впечатления. Куда больше впечатлил их «Линкольн континентал» – новенький бежевый красавец с тонированными стеклами, роскошными кожаными сиденьями, микроклиматом и стереозвуком. Сев на заднее сиденье этого лимузина, мы с Чурайсом утонули в обволакивающей мягкости настоящей кожи и выразительно переглянулись – такой car стоимостью в тридцать, если не больше, тысяч долларов мог быть по карману только успешным американским адвокатам и бизнесменам. И если эти молодые ребята **уже** имеют такую машину, мысленно сказали мы друг другу, с ними можно иметь дело.

А офис их «Всемирной» Business Consulting корпорации на двадцать втором этаже стандартного офисного небоскреба на углу Лексингтон-авеню и 73-й улицы – да, он занимал целую анфиладу комнат, но никакой роскошью не отличался. Три класса с самыми простыми партами для студентов-программистов и черными досками для учителей, бухгалтерия с тремя сотрудницами и два небольших кабинета: один – у Палмера, второй – у Карганова. В Каргановский нас, правда, не пригласили, а у Палмера весь письменный стол был завален кипами деловых папок и бумаг, дыроколами, скоросшивателями и прочим канцелярским барахлом. По бокам стола торчали телефон, факс-машина, магнитофон, настольная лампа и тут же – пустая коробка из-под пиццы и пластиковая бутыль кока-колы. Правда, мебель в его кабинете была вполне адвокатская – темные кожаные кресла, под бардаком деловых бумаг и папок – обширный тяжелый стол из темного дерева, а вдоль стены – такой же старинный шкаф, сплошь уставленный томами юридической литературы, справочниками и энциклопедией Britannica.

Хозяйски развалившись по ту сторону стола в своем глубоком кресле – у меня было впечатление, что нас для того и привезли сюда, чтобы Палмер оказался в положении хозяина, а мы с Чурайсом на стульях посетителей, – Палмер, наконец, перешел к делу:

– Вообще, мы занимаемся подготовкой программистов. Но у нас к вам совсем другое предложение. Сегодня в Нью-Йорке живут больше ста тысяч эмигрантов из СССР, и каждый год прилетают еще тысячи. Половина из них не говорит по-английски, а треть не заговорит никогда, потому что они пенсионеры и целыми днями сидят дома на Брайтоне и в Квинсе. Они пытаются смотреть американское телевидение, но ничего в нем не понимают и тоскуют по советским телепередачам. А мы можем им помочь. Представьте себе, что рядом с их телевизором мы поставим маленький радиоприемник и по этому радио будем передавать синхронный перевод американских телепрограмм. Понимаете? Этот приемник будет говорить им по-русски: пожалуйста, включите второй канал, сейчас мы переведем для вас сорок третью серию Charlie’s Angels – «Ангелы Чарли». А через час: теперь переключите на восьмой канал, наш переводчик начинает перевод замечательного фильма «Мост через реку Квай»…

Я поразился гениальной простоте этой идеи. Действительно, пройдя ради Америки сражения с КГБ за выезд, бросив в СССР все нажитое от квартиры до столовых вилок и перелетев через океан, как на другую планету, десятки тысяч пожилых (и не только пожилых) эмигрантов вдруг оказались здесь глухонемыми, для них все общение с Америкой свелось к газете «Новое русское слово» и журналу «Бульвар». Я и сам после целого года проживания в Нью-Йорке мало что понимал из этого американского телеящика. А когда, вслушиваясь, концентрировался весь, чтобы хоть что-то понять из тех шуток, которыми под закадровый хохот ежеминутно сыплют с экрана Джимми Карсон и Билл Косби, то уже через десять минут уставал так, что с досады вообще выключал телевизор. А тут такое гениальное избавление от собственной тупости и бессилия! И такой легкий выход в реальную американскую жизнь!

– А как вы будете передавать этот перевод? – спросил я осторожно. – У вас есть радиостанция?

– Нет, радиостанции у нас нет, – вместо Палмера ответил Карганов, сидя за Палмером на спинке его кожаного кресла. – Но это и не нужно. Мы уже договорились с трансляционным центром WBIA – мы арендуем у них радиоволну, а студию построим свою, как это делают радиостанции, которые вещают в Нью-Йорке по-испански, по-китайски и даже по-японски. И будем вести наши радиопередачи – утром как простое русское радио, а вечером – перевод американского телевидения.

И, насладившись восхищением на наших с Чурайсом лицах, он красивым жестом достал из кармана пачку тонких сигарет Winston, выбил одну из них и, щелкнув золотой зажигалкой, картинно закурил. Но за гениальную простоту их идеи я простил ему это пижонство.

– Замечательно! – сказал я честно. – Идея отличная! Но при чем тут мы?

– Очень просто, – ответил Палмер. – Мы бизнесмены, а вы – творческий человек, ваши статьи в «Новом русском слове» читает вся эмиграция. И у вас в Культурном центре есть все специалисты, нужные для этого радио. Поэтому мы предлагаем вам должность главного редактора нашей радиостанции. И можете привлечь к этой работе всех, кого сочтете нужным.

Я посмотрел на Чурайса. Даже на кожаной офицерской сумке, с которой он никогда не расставался и в которой притащил сюда наши отчетные для IRS документы, стали видны влажные пятна от его вспотевших рук.

– Это… – сказал он осипшим голосом. – А-а где будет студия? Здесь?

Палмер весело всплеснул рукой и щелкнул пальцами. Как многие молодые толстяки, он был нетерпелив и сверхэнергичен.

– Нет, – сказал он. – Где будет студия – тоже вы сами решите. Главное – через «Новое русское слово» начать рекламную кампанию и объявить подписку на наше радио. Мы считаем, что двадцать долларов в месяц каждый эмигрант может себе позволить. Но написать о нашем радио так, чтобы все поверили, что это не очередная брайтонская афера, может, конечно, только господин Дворкин…

3

От Легсингтон-авеню в свой офис на Восьмой авеню мы с Чурайсом шли пешком. Хотя нет, ничего мы не шли, мы – летели! Окрыленные фантастической перспективой иметь свою радиостанцию в Нью-Йорке, мы неслись через апрельский Централ-парк, как два крикливых гуся, и на лету выкрикивали непонятные окружающим русские слова:

– Внимание! Говорит Нью-Йорк!..

– Работают все русские радиостанции Соединенных Штатов Америки…

– И центральное телевидение!

И хохотали так, что на нас, как на психов, с опаской поглядывали даже громадные черные «качки», бегавшие по дорожкам парка. Но теперь, когда у нас в кармане уже почти была своя американская радиостанция, нам были до лампочки и эти потные молодые негры с цветными ремешками на лбах, и богатые белые леди в красивых конных экипажах за сто долларов в час. Полной грудью вдыхая наконец запахи этой Америки – молодой апрельской зелени Централ-парка и пышных розовых шаров только что расцветших dogwoods, – мы уже без всяких эмигрантских комплексов смотрели на сияющие от солнца стеклянные высотки, окружающие Централ-парк с юга, востока и запада. Да, пусть там, за этими сияющими окнами, живут Вуди Аллен, Лайза Минелли, Фрэнк Синатра и Дональд Трамп, но и мы теперь не нищие изгои и просители скидок и грантов!

– Говорит и показывает Нью-Йорк! – кричал я этим небоскребам. – Ноги вместе, руки врозь!..

– Переходим к водным процедурам! – подхватывал Чурайс.

– Радиоуроки английского языка! – мечтал я на ходу.

– Театр у микрофона! – вспоминал он.

– Высоцкий! Галич! Окуджава! Песне мы не скажем «до свиданья»!..

– Песня не расстанется с тобой! – подхватывал Чурайс.

4

В шесть вечера на углу 34-й стрит и Восьмой авеню я спустился в преисподнюю нью-йоркского сабвея, чтобы поездом A-train уехать из даунтауна домой, на окраину Нью-Йорка, в Вашингтон-хайтс. И хотя из-за очередной забастовки водителей автобусов народу в сабвей набилось втрое больше обычного, но теперь даже духота этой подземки, начисто лишенной какого бы то ни было декора, кроме демонстративного родства с крысиными лазами для самых нищих отбросов общества, – даже эта духота уже не казалась мне кромешным адом и не угнетала ощущением горьковского дна.

Втиснувшись с потной черно-бело-желтой толпой в громыхающий поезд и ухватившись за свисающую с потолка брезентовую петлю, я тут же забыл об окружающих меня неграх, китайцах, индусах и пуэрториканцах. В голове уже сама собой складывалась статья для «Нового русского слова», которая, конечно, так и начнется: «Внимание! Говорит и показывает Нью-Йорк!». Впрочем, прежде чем писать эту статью, я должен побывать на радиостанции WBIA и своими глазами убедиться, что все, о чем наговорили нам Палмер и Карганов, есть в реальности. Кроме того, если уж объявлять подписку и собирать с людей деньги, то ни адрес нашего Культурного центра на Восьмой авеню, ни адрес этих ребят на Легсингтон не годится. Адрес нужен престижный – Рокфеллер-центр или Пятая авеню…

Выйдя из-под земли на углу Форт Вашингтон-авеню и 189-й стрит, я оказался в Нью-Йорке, неизвестном туристам и фотографам рекламных открыток и глянцевых журналов. Но теперь даже серая перспектива шестиэтажных домов, увитых ржавыми пожарными лестницами, уходящая вниз по 189-й улице к Гудзону, уже не выглядела безнадежной трущобой. И грохот тамтамов из раздолбанных «Плимутов» полуголых подростков-пуэрториканцев уже не терзал мои уши своей варварской какофонией. Наоборот, снизу, с Гудзона, слепящего глаза слюдяными бликами заходящего солнца, веяло освежающим вечерним бризом.

На углу, прямо у выхода из сабвея, коричневая мексиканка без возраста продавала огромные белые хризантемы и нереально крупную сирень. Маленький, худой и словно вырезанный из вишневого дерева кореец из пластиковой лейки брызгал водой на прилавок со свежими огурцами, помидорами, сельдереем, клубникой и зеленью всех сортов. В отличие от Москвы, где последние годы свежие овощи и фрукты даже летом собирают огромные очереди, в Америке вы и в январе можете почти на каждом углу купить арбуз, черешню и, вообще, что угодно. А сразу за овощным прилавком этого корейца была штольня-магазинчик старика Сэма, у которого я по дороге домой покупал раньше хлеб, овсянку и молоко и пикировался по поводу их гребаной американской демократии, бездарного президента, пасующего перед Кремлем, вторжением СССР в Афганистан и поставками советских танков на Кубу и в Никарагуа. То есть, начал эту пикировку как раз Сэм (он же, наверное, Симон или даже Соломон). Передавая мне из-за прилавка картонный пакет молока и батон свежего хлеба, он не упускал момента добавить по-английски, что, мол, «у вас в России вы не имеете такого молока», или «в России у вас уже нет ни хлеба, ни мяса». Не зная английского, я отмалчивался и уходил, давая себе слово больше не заходить в его лавчонку, а покупать продукты на соседнем Бродвее. Но чтобы попасть на Бродвей, нужно было пройти целый квартал, а потом с продуктами тащиться обратно. И потому, занятый своими мыслями, я, выходя из сабвея, каждый раз машинально сворачивал к Сэму и вновь натыкался на его мелкие подначки. Но потом месяцы нищенской жизни бессловесного изгоя довели меня до такого психоза, что я вспылил и двадцатью английскими словами плюс универсальным американским fuck выложил ему все, что на душе накипело. И вдруг он сказал:

– You're right, we've made a mistake. Ты прав, мы сделали ошибку – выбрали этого мудака Картера. Но подожди два года, мы выбросим его из Белого дома, а из Конгресса – его демократическую партию, и все будет в порядке. Вот увидишь, это Америка!

Я, конечно, этому не поверил. Я прожил сорок лет в СССР, где никакими силами невозможно убрать из Кремля ни Брежнева, ни тем более КПСС. С чего это Картер уступит кому-то власть?

С момента той перепалки я не заходил к Сэму. Тем паче буквально через дорогу, на восточной стороне Форт Вашингтон-авеню какие-то русские открыли свой «гроссери-стор», а по-русски продмаг, и продавали там не только белый, как вата, американский хлеб, но и настоящий «Бородинский», и «Новое русское слово», и даже, представьте себе, кефир! Поэтому вот уже несколько месяцев, как я выходил из сабвея через восточный выход и покупал пахучий бородинский хлеб, которого давным-давно нет даже в Москве, граненую пластиковую бутылку с надписью Kefir и свежую газету «Новое русское слово» со своей статьей (когда она там была).

Но сегодня, занятый мечтами о своей радиостанции, я снова машинально вышел из сабвея через западный выход и, вдохнув гудзоновский бриз, зашел к Сэму.

Однако никакого Сэма в магазине не было, все полки изменились и даже продукты стали другими. А за новенькой кассой стояла молодая китаянка с фигурой Стефании Сандрелли, раскосыми глазками и кукольно-белозубой улыбкой.

– Welcome, mister! – видя мою растерянность, нежно пропела она. – Come in! (Добро пожаловать. Входите.)

– А где же Сэм? – спросил я, тут же раздев ее глазами.

– Мистер Сэм продал нам свой магазин и уехал во Флориду, – сообщила китаянка. – Can I help you? Чем могу вам помочь?

О, еще бы! С такой фигурой ты можешь мне помочь! – мысленно усмехнулся я и с легкостью мага тут же уложил ее на прилавок. У нее было трепетно-теплое тело, 80 × 60 × 80, большие коричневые соски и сильные ноги, которые она, лежа спиной на прилавке, легко развела в стороны, а затем жадно сомкнула у меня за спиной.

Поскольку в моем кармане уже была почти моя собственная радиостанция, я победно усмехнулся и сказал развязно, как Майкл Дуглас или даже сам Бельмондо:

– Sure you can help me! I want your milk and honey! (Конечно, ты можешь мне помочь. Я хочу твое молоко и мед.)

Наверное, если бы я сказал это даже по-русски, она по одному моему тону поняла истинный смысл того, что я имел в виду. И я бы нисколько не удивился, если бы в ответ она врезала мне пощечину и выгнала из магазина. Но она была китаянкой, а потому, опустив глаза, молча положила в коричневый бумажный пакет картонную коробку с молоком и пластиковую баночку с медом.

– How much? (Сколько?), – спросил я, не выпуская из рук ее уже горячее тело, трепетно пульсирующее от моего бешеного бакинского темперамента.

Ее голова откинулась, распущенные черные волосы рухнули куда-то за прилавок, губы жадно открылись, а узкие глаза расширились от испуга и первого стремительного оргазма.

– Three forty five… (Три сорок пять), – произнесла она, опуская глаза.

Интересно, сколько раз за день ей приходится вот так же покорно, прямо на прилавке отдаваться каждому покупателю? Или это я один такой неотразимый, как Марлон Брандо?

Небрежным жестом миллионера я положил на кассу пятидолларовую купюру, касса клацнула, и звонкая мелочь сдачи высыпалась из ее витого желоба. Я выпустил из рук расслабленное оргазмом тело китаянки и взял сдачу, в Америке не принято оставлять чаевые в магазине.

И тут она подняла на меня свои черные и узкие китайские глаза:

– Thank you, sir…

Могу поклясться, в ее глазах было что-то еще, кроме магазинно-стандартного thank you. Великий русский философ и антисемит Василий Розанов еще сто лет назад писал, что женщина испытывает чувство благодарности мужчине за каждый божественный акт соития, но я не знал, относится ли это к китаянкам или только к русским женщинам.

– What time you close? (Когда ты закрываешься?) – подхватывая бумажный пакет с молоком и медом, спросил я таким тоном, словно уже хозяйски назначал ей второе свидание.

– Ten o'clock, sir (В десять часов, сэр.)

– What's your name? (Как тебя звать?)

– Loo…

– See you, Loo! Good-bye! (Пока, Луу.)

– Good night, sir… (Спокойной ночи, сэр.)

И походкой Бельмондо я вышел из магазина, унося в душе сухой вкус ее коричневых сосков и меда сами знаете откуда. Черт возьми, достаточно, оказывается, хотя бы мысленно иметь в Нью-Йорке свою радиостанцию, чтобы снять даже китаянку с фигурой Стефании Сандрелли! Может, мне действительно вернуться сюда к десяти часам вечера и пригласить эту Луу в ночной бар на соседнем Бродвее? Can I buy you a drink? (Могу я угостить тебя рюмкой?) – говорят они в кинофильмах, которые показывают тут после полуночи, а в следующем кадре они уже в постели делают то, что я только что начал с ней делать прямо на прилавке.

Или без всякого бара привести ее прямо к себе, на четвертый этаж?

5

Занятый этими мыслями, я и не заметил, как оказался дома, на четвертом этаже одного из серых шестиэтажных домов, спускающихся к Гудзону по шумной 189-й улице.

Привести сюда эту китаянку? Ты с ума сошел?

Здесь, чтобы не пугать читателя, я должен дать короткое объяснение. 15 июня 1970 года Эдуард Кузнецов, Марк Дымшиц и еще десять питерских смельчаков попытались угнать из Ленинграда самолет в Израиль. Спустя год Эфраим Севела, Давид Маркиш и еще двадцать московских смельчаков оккупировали приемную Президиума Верховного Совета и устроили там сидячую забастовку с требованием выпустить их в Израиль. А затем и Америка выставила Кремлю ультиматум: если хотите закупать у нас хлеб и нефтяные бурильные станки, выпустите евреев! И треснул железный занавес, опущенный большевиками еще в двадцатом году, и сначала тонкий ручеек, а затем и целый поток – по пятьдесят тысяч человек в год! – хлынул из СССР, захватывая все больше моих друзей и знакомых – от приятеля по «Литгазете» Дэзика Маркиша до Александра Галича и Михаила Богина.

Но я не собирался никуда уезжать. Конечно, я знал (папа объяснил еще в детстве), что лагерь социализма – это тюремный лагерь строгого режима, даже немцы из барака «Поволжье» не могут поехать к немцам в барак по имени «ГДР». Да и сам я, прописанный у дедушки в Баку, не имею права жить в другом месте. Но я же родился в этом лагере, его лагерные законы были для меня естественной формой существования, и я так приспособился к ним, что, обитая в Москве нелегально, без московской квартиры и прописки, был «в полном порядке» – член двух творческих союзов, автор семи фильмов, лауреат премии «Алая гвоздика» за лучший фильм для детей и юношества и успешный ловелас, легко снимающий на своем новеньком «жигуленке» любую красотку с улицы Горького и Нового Арбата. Достаточно было пригласить их в Дом кино на закрытый просмотр иностранного фильма, а потом в ресторане этого дома угостить ужином в компании Баниониса, Любшина, Печерниковой, Лужиной и других кинозвезд, как в ту же ночь – ну, сами понимаете…

Вихрь дневных и ночных успехов кружил мне голову, шесть киностудий подписали со мной договоры на новые сценарии, очередной роман с юной кинозвездой ураганом рвал простыни на моей постели… Но однажды в белом здании на улице Огарева, в кабинете генерала Шумилина, первого заместителя министра МВД и моего консультанта по фильму о подростковой преступности, я вдруг увидел туго набитые холщовые мешки со шпагатными завязками. Один из таких мешков был открыт, из него вывалились на пол несколько плотных белых конвертов с большими сургучными печатями. И, наткнувшись взглядом на эти конверты, я обомлел. Это были вызовы из Израиля, которые уехавшие эмигранты посылали в СССР своим друзьям и знакомым. Я и сам – без всякого запроса – получил уже два таких вызова на свой бакинский, дедушкин адрес.

Так вот, оказывается, где их регистрируют и просеивают!

И вдруг озарение новым романом, полным людскими судьбами, как этот мешок с израильскими вызовами, и мощным, как «Блуждающие звезды» Шолом Алейхема, но уже о нынешнем исходе евреев из СССР, обрушилось на меня и оглушило прямо в кабинете Бориса Тихоновича Шумилина, генерала и заместителя министра МВД!

И как я ни старался избавиться потом от этого искушающего замысла, как ни глушил его в себе работой над новым сценарием для именитого режиссера и бессонными схватками с длинно-ногой кинозвездой – сила авторского честолюбия и захватывающие эмигрантские истории, которые я теперь постоянно слышал вокруг себя, уже влекли – да что там влекли! – тащили меня из советского кино в этот уникальный исторический поток. И даже останавливая свой «жигуленок» у очередных стройных ножек, шагающих по проспекту Мира или

Суворовскому бульвару, я уже знал, что это Прощание, это последняя русская дива, которую я буду нежить и терзать перед своим отъездом в этот Роман.

И точно так, как в юности, я, не умея плавать, прыгнул в воду и тут же стал тонуть, захлебываясь и прощаясь с жизнью, и как потом, очертя голову, легко бросался в постельный роман с очередной прекрасной незнакомкой, – точно так год назад я бросился в этот роман по имени «Эмиграция». Но в первый же день, еще в шереметьевском аэропорту, всесильные гэбэшные таможенники сломали в моей «Эрике» несколько букв – тоже просто так, на память, чтобы я, жидовская морда, подольше помнил свою географическую родину. И чтобы на проклятом Западе не мог про эту родину пасквили писать.

А я и не писал. Я прилетел в Нью-Йорк с восемью долларами в кармане, двадцатью словами в своем английском «вокабюлари» и с пишущей машинкой «Эрика», на которой собирался написать «роман века» о еврейской эмиграции из СССР. «Да кому тут нужна твоя писанина?!» – надменно сказала мне в НАЙАНЕ[1] молодая и худая, как селедка, «ведущая», от которой на километр несло жаждой похоти и презрением к нам, потным беженцам из СССР.

Избалованный русскими дивами, я, конечно, не успел снять с лица пренебрежение к этой прыщавой щуке, жующей tic-tac и фаршированной еврейско-гарвардским чванством, а потому она тут же отправила меня на работу в книжный магазин издательства «Харпер энд Роу», сказав, что там для меня самое место – грузчиком. О’кей, грузчиком так грузчиком, я еще в Москве знал, что придется начать с нуля.

В тридцатиградусную жару я надел белую нейлоновую рубашку и свой единственный костюм, купленный на римской толкучке «Американо», и пришел в этот «Харпер энд Роу». Вижу: действительно, в самом центре Манхэттена огромный книжный магазин, а над ним издательство в двадцать этажей. Ну, думаю, и ладно: сначала буду книжки таскать, а потом познакомлюсь с редакторами издательства и оглушу их своим «романом века»…

Короче, нахожу менеджера магазина – знойную испанку лет тридцати, с глазами и фигурой Клаудии Кардинале и в таком облегающем платье, что мама моя! Она, конечно, прочла восторг в моих жадных глазах и поощрительно улыбнулась. А я говорю: здравствуйте, гуд афтернун, меня к вам НАЙАНА послала грузчиком работать. Тут она разом убрала флиртную улыбку: ду ю спик спаниш? Я удивился – при чем тут «спаниш», как я могу по-испански разговаривать, если я по-английски еле-еле? Нет, говорю, ай кант спик спаниш, ай спик инглиш э литл бит. А она: скьюз ми, нам нужен грузчик, который на двух языках разговаривает: по-английски и по-испански.

Услышав, что меня даже грузчиком не взяли, НАЙАНская щука выписала мне самое минимальное стодолларовое пособие и, бросив в свою узкую пасть очередной голубенький шарик tic-tac, предупредила, что это все, а дальше, мол, «you are free man», ты свободный человек в свободной стране.

Тут, слава богу, Юра Радзиевский, легендарный капитан первой рижской команды КВН, а теперь миллионер и хозяин переводческой фирмы UrAmerica, предложил мне за пять долларов в час покрасить его новый офис на Пятой авеню.

И вот, сжимая в потной руке свои двести восемь долларов, я по совету каких-то эмигрантов тут же поехал сабвеем в самую верхнюю, северную часть Нью-Йорка – ту, что еще выше Гарлема и откуда тихое белоеврейское население панически удирает от наводнения громкоголосых пуэрториканцев и доминиканцев. Здесь, в небольшой организации под названием «Джуиш комьюнити кансул» (Совет еврейской общины), меня познакомили с таким же, как я, только моложе, одиночкой – рыжим и конопатым двадцатисемилетним

[1] NYANA – New York Association for New Americans, Inc. (Нью-Йоркская ассоциация для новых американцев).

увальнем из Минска. И дали адресок, по которому как раз сдавалась недорогая квартира, чтобы мы сняли ее на двоих. Прибежав сюда, на 189-ю улицу, мы осмотрели эту пустую two-bedroom халупу на четвертом этаже серокаменного дома, подписали контракт и притащили свои чемоданы – вселились. И тут же, без паузы принялись здесь мыть и драить, травить тараканов, скоблить наросты грязи на окнах и в сортире – короче, все по нормативам первых ступеней эмигрантской жизни. А вечером пошли по соседним мусорным свалкам и притащили оттуда мебель – два матраса, три стула, диван, кухонный стол и телевизор вместо тумбочки. И в полночь, после всех этих трудов праведных, «усталые, но довольные», сели, наконец, на кухне за бутылкой водки знакомиться.

А через час, когда бутылка опорожнилась, я услышал очередную эмигрантскую историю «за любовь»: у Миши в Минске осталась любимая, русская, но он обязательно вытащит ее сюда, в Америку.

– Старик! Ты не лыбься! Вот увидишь, она будет здесь! Мы с ней договорились! Мы не могли там жениться, потому что в Минске женатых выпускают в эмиграцию только через два года после регистрации брака – боятся, что мы всех русских баб увезем из России. Но я тебе отвечаю – я достану ее оттуда, вот увидишь!

Конечно, я скептически улыбался. А вы бы не улыбались? Мы сидим в Нью-Йорке, на последние деньги пьем дешевую американскую водку Popoff, под окном орут и дерутся пуэрториканцы, где-то рядом огромный мост через Гудзон круглосуточно гудит и рокочет потоком машин, а бог знает где, на другой планете, в каком-то Минске, русская девушка Галя будет ждать – чего? Что всесильный Миша Кацман спустится с небес, как супермен, и увезет ее в Америку?

– Старик, мы с ней разработали план! – хмельно убеждал меня Миша. – Она комсорг цеха, ударница труда. Ей дадут туристическую путевку в капстрану или хотя бы в Югославию, а оттуда я ее выкраду! Вот увидишь, я повезу ее из аэропорта Кеннеди на своей машине! Не веришь?

– Ладно, – говорю я. – Верю. Пошли спать…

И мы разошлись по своим комнатам и матрасам, брошенным на пол, и чужое черное небо было видно нам сквозь окно. Если смотреть не с кроватей, а с пола, то даже в Нью-Йорке можно увидеть звезды на небе.

С тех пор вот уже год мы с ним спим на полу, на матрасах, потому что Миша, неплохо зарабатывая механиком в автомастерской, питается только картошкой и самой дешевой курятиной, экономит даже на кукурузном масле и телефонных звонках, а все деньги относит в банк, на «сэвинг аккаунт» – для поездки в Европу за своей возлюбленной Галей. А я, вообще, свободен от любых заработков, кроме двадцати пяти долларов в неделю, которые мне платят – да и то нерегулярно – в «Новом русском слове» за рассказы о моей московской кошке Джине Лолобриджиде, моих воронятах и моем первом американском друге таракане Шурупике. Эти рассказы для детей газета печатает в воскресных номерах. Правда, это не всё – за очерк «Шереметьевская таможня» о том, как советские таможенники издеваются и грабят нашего брата-эмигранта при выезде из СССР, мне в НРС заплатили аж тридцать баксов, в Present Times – сто, а в еврейском Algeminer Journal выдали еще пятьдесят! И за редактуру пяти русских брошюр о еврейских праздниках я в течение пяти недель получал у хасидов по сто пятьдесят в неделю!

Но вот, собственно, и все, что я тут имею вместо «романа века», однако всех этих заработков едва хватает на мою половину месячной квартплаты, а потому никакой мебели в нашей квартире нет. В пустой гостиной стоят только диван и телевизор с мусорной свалки, а в спальнях на стенах, на гвоздях висит наша одежда и на полу – все те же матрасы. Даже тумбочку под свою «Эрику» я приволок сюда с улицы во время Christmas, когда американцы выбрасывают старую мебель.

Да, скажу вам, как на духу, не ради вашего сочувствия, а просто как факт: я утонул в этой Америке, я дошел до дна и захлебнулся полной безнадегой своего никчемного существования. Привести сюда, на этот матрас, китаянку с фигурой Стефании Сандрелли?

Хотя я и числился президентом Культурного центра творческой интеллигенции, но, как сказал Дэвид Харрис, с которым я познакомлю вас чуть позже, на самом деле я был тут просто «слепым поводырем слепых». А это только в России женщины обожают нищих литературных гениев и художников-алкашей…

6

Сунув молоко и мед в холодильник, где во избежание мышей и тараканов мы с Мишей держим все продукты, включая хлеб и овсянку, я достал с нижней полки кастрюлю со вчерашней гречневой кашей, включил газовую конфорку и плеснул на сковородку чуток подсолнечного масла. Потом, решив проветрить квартиру, двумя руками поднял тугую оконную раму, и в комнату тут же хлынул уличный шум и рев соседнего моста Джорджа Вашингтона через Гудзон. Собственно, из-за этого круглосуточного рева мы и смогли снять эту квартиру – до нас она чуть ли не полгода стояла пустая, никто и даром не хотел жить в таком шуме. Но говорят, что на фронте люди и к бомбежкам привыкали…

Тут послышался поворот ключа в двери, и тяжелым медвежьим шагом на кухню ввалился Миша.

– Будешь гречку? – спросил я у него.

– Нет, я сыт. – Он закурил «Мальборо» и выдохнул дым в открытое окно. Потом повернулся ко мне: – Слушай ты, писатель! Помоги написать Гале поздравление с днем рождения. Только чтоб красиво…

– Ну-у, я не знаю, какой у вас стиль переписки, – сказал я лукаво.

Переписка – активная и регулярная – действительно была, письма из СССР приходили два раза в неделю, а то и чаще. Причем шли эти письма в США кружным путем: Галя посылала их из Минска в Кишинев своей подруге, а та отправляла сюда – уже как бы не от Гали, а от своего имени и со своим обратным адресом – кишиневским. И Миша отвечал тоже по кишиневскому адресу. Таким образом, бдительное белорусское КГБ, как считал Миша, не могло засечь Галину переписку с эмигрантом, и ничто не могло помешать ей, ударнице труда и комсомольской активистке, получить разрешение на туристическую поездку в какую-нибудь капстрану или хотя бы в Югославию.

Получив Галино письмо, Миша убегал в свою комнату, читал его там и перечитывал, танцевал с ним, на ночь клал под подушку, а рано утром, заглатывая на кухне чай с хлебом, снова перечитывал это письмо и – просветленный – убегал на работу. Мне этих писем он не показывал, только изредка цитировал короткие намеки на то, что «с отпуском еще неясно, все время откладывается», то есть Галина туристическая поездка все откладывалась, но, значит, все-таки не отменялась!

– Какой стиль? – сказал он теперь. – Обыкновенный стиль. Можешь посмотреть… – и ушел в свою комнату, но тут же вернулся с пачкой Галиных писем, аккуратно перевязанных голубой ленточкой.

Я взял наугад несколько листков и… обомлел! Боже мой, чего там только не было! Целующиеся голубки, которые летели друг к другу из разных углов письма! Всяческие «жду ответа, как соловей лета» и «лучше вспомнить и взглянуть, чем взглянуть и вспомнить!». И каждое письмо начиналось со слов: «Дорогой мой, ненаглядный голубок Мишенька! Целыми днями и ночами я все думаю о тебе – как ты там? сыт ли? обут ли? одет ли? А когда приходит твое письмо – это солнышко в мое окошко стучит…»

Читая эту высокую лирику, я устыдился своей похотливой связи с китайской продавщицей, доел гречневую кашу и ушел в свою комнату сочинять поздравление Гале с днем рождения. Конечно, я ориентировался при этом на сонеты Петрарки к Лауре и «Песнь песней» царя Соломона, но думаю, что даже с их помощью я не достиг такой голубиной нежности, какая была в письмах русской девушки Гали к простому эмигранту Мише Кацману.

7

Можете проверить: моя статья «ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ НЬЮ-ЙОРК» появилась в «Новом русском слове» в среду, 14 мая 1980 года. А уже 29 мая я продолжил обольщать читателей статьей «TV ПО-РУССКИ: ПОТОК ВОПРОСОВ». «В Одессе за подобное радостное сообщение обычно говорили «Уже спасибо!» – цитировал я из писем, хлынувших в наш новый офис на двадцать первом этаже престижного небоскреба на Пятой авеню. – «Мечтаю попасть в число счастливчиков – первых 2000 подписчиков и слушателей вашей радиостанции». «Для моих родителей это вообще вопрос жизни и смерти». «В нашем пожилом возрасте освоить английский язык невозможно. А потому просим включить нас в двухтысячный список. С благодарностью, бывший политзаключенный в СССР с 1935 по 1956 год».

В эти дни Калифорнию трясло землетрясение силой 6,1 балла. По всей Америке бары и магазины бойкотировали советскую водку «Столичная» в знак протеста против вторжения СССР в Афганистан. «Бритиш Петролеум», «Галф Оил» и еще четырнадцать крупнейших нефтяных компаний объявили бойкот Катару в связи с повышением цен на нефть до тридцати восьми долларов за баррель. В Москве повторно арестовали украинского диссидента и поэта Василя Стуся, только что отсидевшего восемь лет за антисоветскую пропаганду. В Нью-Йорке сбежавший из Ирана шах Моххамед Реза Пехлеви лег в больницу. В Израиле Менахим Бегин назначил Ицхака Шамира министром обороны. На республиканских праймериз Рональд Рейган получил больше тысячи голосов и обеспечил себе победу на предстоящих Национальных выборах республиканской партии. А в Манхэттене по адресу 501 Fifth Avenue была зарегистрирована компания WWCS – World Wide Communication Service Inc. (Всемирный Коммуникационный сервис), предложившая эмигрантам из СССР подписку на русское радио и синхронный перевод американского телевидения всего за двадцать баксов в месяц (плюс сорок долларов за установку радиоприемника)!

Понятно, что это событие потрясло русскую колонию Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании сильней, чем калифорнийское землетрясение, победа республиканца Рональда Рейгана над республиканцем Джорджем Бушем и исчезновение советской водки из магазинов. Лиля и Мэри Перловы – две юные активистки нашего Культурного центра, а теперь секретари компании WWCS – не успевали открывать конверты с чеками. Поскольку в своей статье я упомянул, что первые две тысячи подписчиков из Бруклина и Квинса получат этот сервис в первую очередь, письма с чеками приходили буквально мешками, причем дважды в день, в 9 утра и в 3 часа дня, – так тогда, при Картере и экономическом кризисе, работала американская почта.

Палмер и Карганов – президент и председатель WWCS – клали эти чеки на банковский счет своей новой компании и чуть ли не каждый день приглашали главного редактора будущей радиостанции, то бишь меня, на свои домашние обеды и вечеринки. А когда пришел двухтысячный чек на шестьдесят долларов, то есть когда мои статьи собрали им сто двадцать тысяч… Нет, только не подумайте, что они сбежали с этими деньгами. Ничего подобного! Мы все – я, Чурайс, Лиля и Мэри Перловы и красавица Аня Палмер, главный бухгалтер WWCS (и жена Марка Палмера), – получили свои первые, в белых конвертах бонусы и даже визитные карточки!

Боже мой, подумал я, «вот и сбылась мечта идиота»! Двадцать лет назад – в 1961 или в 1962? – в одной из своих командировок от «Комсомолки» я был в Тольятти на закладке первого в СССР итальянского автомобильного завода FIAT, он же ВАЗ. Тогда там, на крутом волжском берегу еще не было ни города, ни завода, только экскаваторы распахивали холмы и буераки, но уже несколько тысяч работяг слетелись сюда со всей страны и даже с других комсомольских строек. Я спрашивал у них почему, что принесло их сюда, ведь зарплаты

такие же, как на любой стройке? И почти все отвечали: а говорят, что итальянцы будут давать зарплаты в белых конвертах…

Да, страна мечтала о зарплатах в белых конвертах, как Остап Бендер о Рио-де-Жанейро…

Теперь, получив наконец свой первый белый конверт, я обнаружил в нем чек аж на восемьсот долларов и решил, что с такими деньгами и с визиткой Vadim Dvorkin, Editor-in-Chief, WWCS Inc. (Вадим Дворкин, главный редактор) могу пригласить в ночной бар не только китайскую продавщицу, но и саму Стефанию Сандрелли! Поэтому, обналичив чек в банке и дождавшись вечера, я побрился, надел все тот же единственный костюм, купленный на римской барахолке, и ровно без пяти десять возник в двери ее, этой китаянки, магазина.

Нужно ли говорить, что теперь за прилавком рядом с ней стоял ее муж – молодой высокий китаец с фигурой каратиста и умными глазами выпускника Гарвардского университета. Точнее, не стоял, а, готовя магазин к закрытию, легко заносил с улицы какие-то тяжелые ящики с товаром. Но, увидев меня, почему-то резко выпрямился и выжидающе посмотрел мне в глаза. Черт возьми, с момента той первой встречи с Луу я был тут двадцать раз, но ни разу его не видел и напропалую флиртовал с этой китайской Сандрелли. И каждый раз она загадочно отмалчивалась на мои двусмысленные комплименты и обещания сводить ее в ночной бар на Бродвее. «Ну что, Луу? – говорил я, если в магазине никого, кроме нас, не было. – Пора мне купить тебе дринк, как ты считаешь?» Она молчала, опустив глаза. «О’кей, – говорил я. – Значит, ты согласна. Вот напишу бестселлер, заработаю первый миллион и увезу тебя в Майами. Договорились? Ты согласна? Раз молчишь, значит, согласна. Дай мне, пожалуйста, молоко и овсянку…»

А теперь ее китайский муж смотрел на меня в упор, а затем вопросительно глянул на Луу, стоявшую за кассой. Мне показалось: дай она знак, и он приемом каратэ тут же свернет мне шею. Но Луу повернулась к полке, сняла коробку молока и баночку с медом.

– Milk and honey, as usual. Right? – пропела она невинным китайским голоском. (Молоко и мед, как всегда. Верно?)

– Yes, thank you, – ответил я и положил на кассу стодолларовую купюру.

Луу резко выпрямилась, почти отшатнулась. И посмотрела мне в глаза:

– Sir, do you have smaller bill? (Сэр, у вас нет мельче купюры?)

– No, sorry, mam, – усмехнулся я, глядя в ее черные зрачки. – I’m a rich man now (Нет, мадам, извините. Я теперь богат.)

– Congratulation… (Поздравляю…) – произнесла она совсем тихо и протянула стодолларовую купюру своему мужу, который, ревниво подойдя к нам, поднял эту купюру к яркому неоновому плафону на потолке и посмотрел на просвет.

8

«Любите ли вы театр? – спрашивала Татьяна Доронина в фильме по пьесе «Старшая сестра» Александра Моисеевича Володина и добавляла требовательно и с придыханием: – Нет, любите ли вы его так, как люблю его я?..»

А теперь, читатель, позвольте и мне спросить у вас столь же взыскательно: умеете ли вы раздевать женщин глазами? Нет, не ради похоти и вожделения, а из любви к чистому и высокому искусству ню в стиле Ботичелли и других художников эпохи Возрождения?

В Советском Союзе это искусство было мне ни к чему. Даже когда я жил в Москве на рубль в день (в 1972-м пачка пельменей стоила 28 копеек, при этом пельмени можно было сварить и юшку есть на первое с хлебом, а сами пельмени – уже на второе), так вот, даже в это время ко мне посменно приходили две нимфы – высокая, как Венера у Сандро Ботичелли, девятнадцатилетняя Алена, студентка МГУ, и крошечная, как Шоша у Башевиса-Зингера, семнадцатилетняя Вета, студентка хореографического училища. Поскольку в Москве стояла такая рекордная жара, что вокруг горели торфяники, обе нимфы (повторяю, посменно) сами раздевались догола еще с порога. Алена, абсолютно голая, забиралась на подоконник и с высоты шестого этажа часами, как кошка, наблюдала за суетой на улице Горького. А Вета мини-махой укладывалась на диван и, мечтая женить меня на себе, соблазняла страшными рассказами о каком-то офицере КГБ, который преследует ее повсюду и грозит похитить. Короче, как я уже сказал, в России женщины обожают нищих литературных гениев, и обходиться там женщинами вприглядку мне было ни к чему, они и сами приходили на «вприкуску».

А искусству раздевать женщин глазами я научился вынужденно – сначала в Италии, где в ожидании американской визы нищим эмигрантом пять месяцев жил на милю в день в Ладисполе, пригороде Рима. Каждое утро я с одним бутербродом в кармане зайцем уезжал электричкой в Рим и, ошеломленный его античной красотой, часами бродил по набережным Тибра и римским закоулкам, а потом выходил на виа Витторио Венето или в парки Виллы Боргезе и голодными глазами пожирал гуляющих там европейских красавиц и дорогих итальянских проституток. Впрочем, тогда это было еще ученичество и дилетантство, тем паче все итальянки, в общем, однотипны. Конечно, и среди них бывают такие экзотические экземпляры, как Софи Лорен, Джина Лоллобриджида и Стефания Сандрелли, но в массе своей… Ладно, не будем вдаваться в подробности. Италия это вам не Россия, и когда живешь там на милю в день, то вдаваться все равно некуда и не на что.

Высокое мастерство раздевания женщин глазами пришло ко мне в Нью-Йорке на Пятой авеню. Вот это, доложу вам, пленэр! Пятнадцать кварталов от 42-й стрит до Рокфеллер-центра и 57-й, где на каждом углу «Сакс», «Виктория Сикрет», «Шанель», «Версаче» и еще сотня самых модных магазинов, – это уникальный подиум в духе межпланетных станций Рэя Брэдбери. Сюда, в эти знаменитые магазины, слетаются не только все модели и стюардессы мира, а вообще все красавицы (с кошельками своих любовников) со всех континентов – белые, желтые, коричневые и черные. Летом, когда нью-йоркская жара позволяет им носить чисто символические лоскуты полупрозрачной ткани, которые и держатся-то всего лишь на тоненьких бретельках или, вообще, на одних сосочках, раздеть их можно буквально одним взглядом. И тогда вам открываются истинные «секреты Виктории», не прикрытые даже ладошками, как на картинах моего любимого Сандро Ботичелли, поскольку ладошки эти заняты увесистыми бумажными сумками от Saks, Lord & Taylor, Tiffany и т. п. Таким образом, вы за свои эстетические открытия не рискуете получить даже пощечину…

В Москве я знал двух выдающихся бабников, которые по утрам отправлялись в ГУМ – единственное на весь СССР место, где почти каждый день «выбрасывали» в продажу то

польскую косметику, то чешскую женскую обувь, то финское нижнее белье. Там в огромных очередях за этим «страшным» дефицитом мои друзья снимали юных сибирских и украинских стюардесс с умопомрачительными бюстами и ногами Светланы Дружининой и Светланы Светличной. А в начале восьмидесятых в Нью-Йорке вышла и тут же стала национальным бестселлером книга How to pick up girls, «Как подцепить девчонку», в которой выдающийся американский бабник рассказывал, как он каждый день в магазине Saks Fifth Avenue снимает бразильских, филиппинских и шведских стюардесс.

То есть, не я первооткрыватель этой «клубничной поляны». Но при этом, хотите – верьте, хотите – нет, я никогда не решался на знакомство с этими интернимфами. Это в Москве можно даже с одним рублем в кармане подойти к любой красотке, но в Америке… Нет, визуальное пиршество в стиле ню на Пятой авеню лишь «вприглядку», как в музее изобразительных искусств, кормило меня шоколадными бразильянками, бронзовыми филиппинками, голубоглазыми шведками, грудастыми испанками и миниатюрными японками.

Впрочем, начав с такой откровенности, я обязан быть честным до конца. Был эпизод, который отлучил меня и от этого живительного источника. Как-то я шел по Бродвею в районе Линкольн-центра. Был жаркий летний день, все уличные кафе прикрылись от солнца тентами и козырьками, и вдруг прямо на улице, за столиком под одним из таких тентов, я увидел Джуди Фостер. Джуди Фостер из Taxi Driver! Юная, не старше двадцати, она сидела в пяти шагах от меня одна-одинешенька с высоким стаканом апельсинового сока. Конечно, я тут же подошел к ней и сказал:

– Здравствуйте, Джуди! Позвольте мне от имени двухсот миллионов российских кинозрителей сказать вам, что вы самая красивая и самая замечательная актриса сегодняшнего кинематографа!

– Спасибо! – улыбнулась она. – А вы из России? Но ведь там не показывают Taxi Driver.

– Показывают, – сказал я. – Только на закрытых просмотрах для элиты советского кино.

– А вы из элиты? – снова улыбнулась она.

– Да, я автор семи советских фильмов, два из них запрещены цензурой…

– О! – сказала она. – Садитесь. Как вас звать?

– Я Вадим, – сказал я уже раскованно, садясь за ее столик. – А сейчас я пишу сценарий о еврейской эмиграции из СССР, и, конечно, главную роль в этом фильме сыграете вы!

Она засмеялась:

– Вот так сразу?!

– Конечно! – ответил я, пожирая ее глазами. – Настоящая любовь бывает или сразу, или никогда. Вы что выбираете?..

Стоп! Пока я не зашел с этой Джуди так далеко, как с давешней китаянкой, – стоп! Не было этого разговора! Одинокая Джуди Фостер за столиком уличного бродвейского кафе – была. И я, проходя мимо, действительно увидел ее в пяти шагах от себя. Но! Не зная английского, что я мог ей сказать? Да, господа, я, бывший московский ловелас и бабник, прошел мимо Джуди Фостер, не сказав ей ни слова! И это стало роковой ошибкой для нас обоих. Ведь ради чего молодые девушки, даже актрисы, часами сидят в одиночестве в кафе? Конечно, в ожидании принца! А я, тот самый принц, которого так ждала тогда Джуди Фостер, прошел мимо! И… пропустив меня, Джуди, как известно, стала лесбиянкой. А я…

Такая наглядная, такая моя отъявленная тупость и бессилие буквально убили меня! «Господи! – сказал я себе, удаляясь по раскаленному Бродвею от прелестной Джуди. – Разве не говорили тебе, что Америка всем дает шанс? Вот это и был твой шанс – Джуди Фостер! Ты должен был рассказать ей свой сценарий, пленить ее, влюбить в себя…» «Но как? – сокрушалось мое второе «я». – Представь: ты, сорокалетний глухонемой, подходишь к знаменитой актрисе и – что? Мычишь, не можешь сказать ни слова! Да ты посмотри вокруг –

вот идет женщина с таксой, говорит ей что-то, и собака слушается. В Америке даже собаки знают английский! А ты…»

Понятно, что после этой невстречи с Фостер я перестал ходить на пленэр на Пятую авеню и, вообще, забыл о женщинах. Теперь по ночам мне снился только Баку, город моей юности – все его улицы и улочки, по которым я, может быть, никогда даже и не ходил. Эти сны были настолько яркими и живыми, что я уже с вечера мечтал поскорее нырнуть в них из безнадеги и серости своего никчемного существования.

И вот после года такого воздержания…

Впрочем, не будем забегать вперед. Дважды в месяц, по пятницам, Роберт Кугел, раввин и директор самой модной в Нью-Йорке реформистской синагоги на Восточной стороне 72-й стрит, отдавал холл этой синагоги для творческих мероприятий нашего Культурного центра. Как я получил такую халяву, я, честно, уже не помню. Помню, что через пару месяцев по приезде в Нью-Йорк я на той же Пятой авеню встретил знаменитого Мишу Богина, который летом 1965-го за свой дипломный фильм «Двое» получил Золотой приз Московского Международного кинофестиваля, потом поставил пронзительную «Зосю», «О любви» и «Ищу человека», а затем эмигрировал, чтобы покорить Голливуд.

– Миша! – бросился я к нему, радостно распахнув объятия. – Как дела? Что ты делаешь?

– Я работаю лифтером, – грустно сказал он и пошел прочь, и у меня до сих пор стоит перед глазами эта картина – как по солнечной Пятой авеню от меня уходит гениальный режиссер и простой лифтер Михаил Богин.

Эта встреча настолько меня потрясла, что тем же вечером я написал для «Нового русского слова» статью «Блуждающие звезды», в которой предлагал всем эмигрантам творческих профессий создать в Нью-Йорке свое Товарищество, Клуб или Общество спасения. «Процесс превращения Михаила Барышникова, Мстислава Ростроповича, Галины Вишневской, Эрнста Неизвестного, Михаила Александровича, Беллы Давидович и других советских мегазвезд в звезд американских происходит так стремительно, что они, как говорится, не успевают сносить башмаков, – писал я. – И это замечательно, мы рады за них. Но в бурном потоке нынешней эмиграции и невозвращенства есть люди, чьи творческие профессии не позволяют им перелететь одним пируэтом со сцены Большого театра на сцену Метрополитен Опера. Их приземление в Новом Свете даже больнее и болезненнее, чем приземление тут инженеров, мясников и парикмахеров. И вот уже вчерашний знаменитый режиссер работает швейцаром, журналист – сторожем, актер водит такси, а кинооператор подметает офисы. Мне самому, признаюсь, первые месяцы было тут так страшно, как сорок лет назад в бакинском роддоме, когда из маминого тепла пришлось выходить на свет божий. Ведь все здесь непонятно, чуждо, враждебно, а ты просто голый, без мамы, без профессии и даже без той пуповины, которая связывает с миром, – без языка! Да, еще вчера ты был фигурой – врачом, адвокатом, журналистом, кинорежиссером! А тут? Тут фигура – владелец такси и хозяин парикмахерской. А кто я? Стыдно сказать – писатель, да еще бывший. Все смотрят на тебя, как на убогого, и говорят: забудь! Иди на курсы бухгалтеров, программистов, страховых агентов…

И тот, кто вынужден кормить семью, идет даже в швейцары.

Но это не повод уходить в депрессию! Давайте создадим свой клуб, свое товарищество, где сможем встречаться и помогать друг другу!..»

О чем думает журналист, когда пишет такие статьи?

Он думает, что массы, вдохновленные его призывом, сами реализуют его идею. Но буквально на следующий день после этой публикации ко мне на 189-ю улицу приехал совершенно незнакомый эстонец Морис Чурайс и сказал, что уже договорился с руководством профсоюзного Workman’s Circle (Рабочего Круга) – они дают нам зал для проведения собрания «блуждающих звезд», осталось только наметить дату и дать объявление в «Новом рус-

ском слове». Деваться было некуда, денег на объявление тоже не было, и я отправился к Андрею Седых, он же Яков Моисеевич Цвибак. Гурман парижского дна, прославившийся сенсационной в двадцатые годы книгой «Ночной Париж», ученик и друг Куприна и литературный секретарь Ивана Бунина, а теперь толстенький семидесятивосьмилетний старик с катарактой на правом глазе был хозяином «Нового русского слова», и у нас, новоприбывших московских и питерских литераторов, не было к нему никакого пиетета. Наоборот, «Бульвар» уже отнимал у него читателей, да и Сергей Довлатов сотоварищи уже замышляли издавать конкурирующую газету.

– Я их понимаю, – сказал мне Яков Моисеевич. – Люди делают ошибки…

Эту мудрую истину «люди делают ошибки» я запомнил на всю жизнь, еще не зная, насколько она относится ко мне самому. А тогда – к моему полному изумлению – зал «Воркменс Сёркла» набился буквально до отказа, Чурайс насчитал больше четырехсот человек. Здесь были московские, питерские и киевские киношники, столичные и провинциальные музыканты, артисты эстрады и художественных театров, художники и поэты всех возрастов, а ныне в Нью-Йорке – швейцары, охранники, таксисты, парикмахеры и просто безработные. После бурного двухчасового обсуждения своего бедственного положения они постановили создать Культурный центр творческой интеллигенции и единогласно выбрали его президентом… автора статьи «Блуждающие звезды», то бишь – меня!

Так подтвердилась еще одна истина – «инициатива наказуема».

Вынужденно приняв эту «высокую» должность – а куда было деваться? – я отправился за помощью к Дэвиду Харрису, директору нью-йоркского отделения AJC – American Jewish Committee (Американского Еврейского Комитета), тому самому Харрису, с которым обещал познакомить вас пару глав выше. Первый раз эмигрантская дорога свела меня с ним в Венском отделении ХИАСа[2], куда мы прилетали прямо из Шереметьева. Молодой и двухметроворостый, он неплохо говорил по-русски и легко, а главное, спокойно справлялся со всеми эмигрантскими проблемами. Именно ему первому я показал там «Шереметьевскую таможню» – начальную главу своего «романа века» и статью «Как КГБ отомстило сенаторам Венику и Джексону» – о том, как КГБ фарширует наш эмигрантский поток ворами в законе и прочим криминальным отстоем. «Конечно, вы можете опубликовать эту статью, – сказал мне тогда Дэвид. – Но подумайте вот о чем. А что, если, прочитав эту статью, американцы перестанут ходить на демонстрации за выезд евреев из СССР, а наши конгрессмены уменьшат квоту на въезд советских эмигрантов в США?» Я подумал, и… с тех пор эта статья лежит в моем чемодане рядом с моим матрацем на полу нашей с Мишей квартиры на 189-й стрит. Зато через несколько месяцев я получил из Вены толстый конверт с переводом моей «Шереметьевской таможни» на английский язык. Перевод был подписан какой-то Elianna Davidzon, сотрудницей ХИАСа, и я, честно говоря, подумал, что это просто псевдоним Дэвида. Тем паче, когда он появился в Нью-Йорке уже в должности директора нью-йоркского отделения AJC, этот перевод был тут же опубликован в журнале Present Tense, органе этого комитета, в еврейском еженедельнике Algemeiner Journal и даже удостоен престижной еврейско-журналистской премии имени Бориса Смоляра.

(Собственно говоря, смутная память о пожилом, сутулом и похожем на моего отца Исааке Башевис-Зингере, из рук которого я получил тогда эту премию, дала мне право именно с его слов начать этот роман…)

Уффф! Я сам устал от такого длинного вступления к моему выходу из строгого сексуального голодания. Впрочем, нет, еще рано, я же должен рассказать, как я получил холл реформисткой синагоги на 72-й стрит для мероприятий нашего Центра творческой интеллигенции. Хотя и так, наверное, ясно: выслушав мой рассказ о создании этого Центра и

[2] HIAS (ХИАС) – старейшая благотворительная организация, помогающая еврейским эмигрантам.

назвав меня «слепым поводырем слепых», Дэвид все-таки позвонил директору этой синагоги и отправил меня к нему вслед за своим звонком.

А теперь прошу вас на наш вечер творческой интеллигенции – уверяю, на таком концерте вы не бывали никогда! Больше того, не только ни одна синагога в мире, но и ни один концертный зал не видел и не слышал сразу такого количества звезд, суперзвезд и пульсаров!

Во-первых, феерически играла Нина Бейлина, лауреат международных конкурсов имени П.И. Чайковского в Москве, Дж. Энеску в Бухаресте и М. Лонг – Ж. Тибо в Париже.

Впрочем, стоп! Сначала о публике. В этот вечер в зал синагоги на 72-й стрит пришли более трехсот человек – актеры, музыканты, литераторы, кинематографисты, художники. В числе именитых гостей были руководитель Толстовского фонда князь Теймураз Багратион и певец Михаил Александрович, лауреат Сталинской премии, золотой голос СССР и послевоенный кумир всех советских женщин, включая мою родную маму. Когда по радио Александрович своим божественным голосом пел итальянские песни, мама бросала все дела, садилась у репродуктора и тихо плакала о том, наверное, что никогда не увидит «Санта Лючию» и, тем паче, не вернется в Сорренто, поскольку не была там никогда…

А тут я объявил собравшимся, что вслед за кумиром моей мамы выступает новый невозвращенец, солист Большого театра, только три недели назад бежавший из Италии на Запад, – Юрий Стефанов. А после выступления Стефанова доложил, что партийная организация Большого театра направила на наш вечер еще двух делегатов – балетмейстеров Суламифь и Михаила Мессереров. Эти, как известно, сбежали в Токио. Легендарная Суламифь была до войны примой Большого и любимой танцовщицей Сталина, при этом удерживала звание чемпионки страны по плаванию, была удостоена Сталинской премии, а также ордена Великобритании «За заслуги перед искусством танца». А когда ее сестру Рахиль Плисецкую отправили в ГУЛАГ как жену расстрелянного врага народа, Суламифь взяла к себе сестриных детей Алика и Майю – ту самую, будущую богиню танца…[3]

Понятно, что собравшиеся бурными аплодисментами утвердили и Стефанова, и Мессереров в члены Культурного центра.

Затем выступали: певица Ирина Артишевская (доцент Минского университета), ленинградский мим Симон Кудров, квинтет Марка Баренбойма (Тбилисская консерватория), Валерий Шевченко (доцент Новосибирской консерватории), Марина и Костя Уманские (Одесская консерватория), Яков Тульчинский (Ленинградская консерватория), балетмейстеры Юлий и Любовь Взоровы (Свердловск) и многие другие. То есть, в одном концерте – география всей страны, и это всего лишь первое отделение!

А еще один – и главный! – фурор случился во втором отделении, когда без всякого объявления и лишь под музыку знаменитого «Ке-ля-ля» на сцене в своем черном трико и белой бабочке возник Борис Амарантов, мим и жонглер, лауреат VIII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Хельсинки, собиравший стадионы своими эстрадно-цирковыми номерами, знаменитый фильмами «Попутного ветра, “Синяя птица”» и «Любовь к трем апельсинам» и создатель Московского театра пантомимы. После того как советские партийные власти закрыли этот театр и буквально выбросили Бориса из профессии, он был вынужден зарабатывать на жизнь, служа ночным сторожем, два года просидел в отказе, и вот он в Нью-Йорке, на сцене нашего Культурного центра.

Несмотря на позднее время, мы час не отпускали его со сцены, да и он, стосковавшийся по зрителям, с вдохновением показал все свои великолепные номера.

Вот такое «эмигрантское отребье» – так именовала нас советская пресса – собралось в тот вечер на открытие нашего Культурного центра. Но, пожалуй, самый главный резуль-

[3] Много позже, когда в 2000 году Суламифь Мессерер приехала из Лондона в Москву на вручение премии «Душа танца», балерина, забыв о возрасте, вышла на сцену и станцевала канкан. Ей было 92 года…

тат этого вечера – ощущение товарищества, которое возникло, когда разобщенные эмиграцией люди снова почувствовали себя в своем кругу, обнимались, обменивались телефонами и договаривались о будущих встречах…

А для меня… Когда в час ночи я, уже спеша на сабвей, выходил из зала, Миша Кацман сказал:

– Тут тебя ждала одна американка… – и оглянулся по сторонам.

– Она уехала, но оставила записку, – сказала Мэри Перлова, одна из сестер-двойняшек и активисток нашего Центра, и подала мне сложенный вчетверо листок.

Я развернул этот листок, там было лишь несколько слов: My name is Elianna Davidzon. You can call me tomorrow 516-254-1712 (Меня зовут Элианна Давидзон. Можете позвонить мне завтра 516-254-1712.)

– Сколько ей лет? – тут же спросил я у Мэри.

– Не знаю. Двадцать, двадцать три.

– А как она выглядит?

– Рыжая… Красивая… – сказала Мэри.

9

Вот я и дорвался, господа!

Ее большая упругая грудь пахла крыжовником, молоком и медом, ее теплое, с золотой опушкой лоно манило жадной и жаркой лощиной, ее сильные ноги аркой выгибали ее белое тело навстречу моему напору…

Впрочем, я, конечно, должен был начать эту главу совершенно иначе – как наутро, едва дождавшись, когда Миша смоется на работу, я позвонил этой Элианне, переводчице моей «Шереметьевской таможни». Оказалось, что она, студентка Колумбийского университета, только что прилетела из Вены, где проходила стажировку в ХИАСе и где Дэвид Харрис дал ей прочесть мою «Шереметьевскую таможню», которую она тут же и перевела. «У вас в рукописи было написано, что это первая глава книги “Еврейская дорога”, – сказала Элианна по телефону. У нее был тот старательно правильный русский, каким отличаются выпускники славянских факультетов лучших американских университетов. – А вы написали продолжение?» «Конечно, – ответил я. – Хотите прочесть?» «Очень!» – вдруг произнесла она с таким доронинским придыханием, что у меня похолодел живот. «Приезжайте», – произнес я как можно небрежней. «Когда?» – «Да хоть сейчас!» – «А какой у вас адрес?» Я назвал свой адрес. «Извините, я буду только через два часа, – сказала она. – Я буду ехать с Лонг-Айленда».

Ровно через два часа я нетерпеливым постовым стоял перед своим домом на 189-й стрит, ожидая, как мне было сказано, синий Shevrolet Corwette Stingrey 1976 года. Честно говоря, я понятия не имел, как выглядит «Корвет Стингрэй» любого года выпуска, но когда снизу, от Гудзона, с жутким ревом, превосходящем даже рев моста Джорджа Вашингтона, на меня помчалась мощная синяя торпеда весом, наверно, тонны три, я, еще не видя огненно-рыжую Элианну, уже понял, что через несколько минут буду повержен, раздавлен и счастлив.

Но, конечно, некий протокол был соблюден. То есть, она – рыжее облако в потертых джинсовых шортах с бахромой и в линялой футболке прямо на голое, без всякого лифчика тело – запарковала свою безумную машину, и мы, тут же утонув в глазах друг друга, вознеслись, взявшись за руки, на четвертый этаж, в мою комнату. Там, на тумбочке рядом с моим матрацем, уже лежали листки со второй главой моего «романа века».

– Эли, ты будешь кофе или чай? – спросил я по-русски, тут же сокращая дистанцию до близости отсутствующего в английском «ты».

– Это неважно, – ответила она. – Я могу это читать?

– Можешь…

Она взяла листы, прислонилась спиной к подоконнику и стала читать. Солнце било ей в спину через поднятую раму окна, отчего рыжая пена ее волос казалась настоящим пламенем, открытые белые плечи сверкали, как слоновая кость, а большая грудь выпирала из бирюзовой майки огромными тугими сосками, как у ботичелливской Паллады. Я с трудом сдерживал себя, чтобы немедленно не наброситься на нее необузданным еврейским Кентавром и не загрызть до смерти. Но все-таки сдержался и, следуя бегу ее карих зрачков, мысленно следил за текстом…

> «Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас повернулся к иллюминатору бросить прощальный взгляд на занесенные снегом ельники вокруг Шереметьевского аэропорта. Двадцать семь эмигрантов-беженцев, мы, буквально замерши, сидели во втором салоне самолета и не верили ни реву

турбин, ни тряске нашего ТУ-124, бегущего по взлетной полосе. Неужели? Неужели это произошло? Неужели нас выпустили?

В первом салоне летят четверо советских дипломатов – надменно отстраненные, в одинаковых серых костюмах и с глазами, глядевшими сквозь нас, как сквозь пустое место, еще там, в зале ожидания аэровокзала. А в третьем салоне сидят немецкие и австрийские туристы. Их тоже привезли к самолету и посадили отдельно от нас, как от прокаженных, а нас подвезли к трапу буквально за минуту до отлета – в обшарпанном автобусе, промороженном до инея на заклепках. Впрочем, вру – кроме эмигрантов, был в этом автобусе еще один человек; сначала мы даже приняли его за своего, но уже через минуту стало ясно, кто это. Высокий, широкоплечий, рыбьи глаза на бетонном лице, шляпа горшком, узенький засаленный галстук на несвежей рубашке, а потертый пиджак распирают мощная грудная клетка и пистолет под мышкой…

Когда, продержав нас у выхода из аэровокзала на продуваемом морозным ветром летном поле так долго, что у моей шестилетней племяшки Аси забелели щечки, и я, бросив свою пишмашинку, у которой несколько минут назад таможенники выломали буквы ”ф”, “ы” и ”в“, подхватил Асю на руки и сунул под пальто, – когда, повторяю, все-таки подали этот гребаный автобус, бетоннолицый сфинкс был уже внутри него, он стоял возле шофера и молча смотрел, как мы входим и рассаживаемся. Ася по праву ребенка привычно пошла к первому ряду кресел, но жесткой рукой гэбэшника этот сфинкс тут же отстранил ее, как котенка, и так и стоял во главе пустых кресел, молча, как пень, все четыреста метров от вокзала до самолета. Зато в самолете он прошел через весь наш второй салон и сел в конце его, в последнем ряду, чтобы обозревать нас всех, как конвой.

Но нам уже было наплевать на него!

Как только самолет взлетел – да, как только мы ощутили, что колеса оторвались – **оторвались**! – вы понимаете – ***оторвались!*** – мы ***ОТОРВАЛИСЬ*** от советской власти, – Валерий Хасин, у которого только что таможенники отняли половину багажа, включая мельхиоровые вилки, громко и даже весело сказал:

– Не понимаю, они что? Боятся, что мы угоним самолет обратно в СССР?

Жена тут же одернула его:

– Тише! Не дразни его, черт с ним!

– Но ведь я уже на свободе!

– Не знаю… – осторожно ответила она.

Да, мы уже были на свободе, нас уже выменяли на техасские бурильные станки, пшеницу и кукурузу, но мы еще не простились с советской властью. И это было почти символично: в полупустом салоне советского самолета двадцать семь евреев – потных, усталых, возбужденных и немытых после двухсуточных мытарств в шереметьевской таможне, с детьми, с парализованной старухой, которая только что сотворила чудо (когда двое провожатых вынесли ее на руках из автобуса, она вдруг оттолкнула их: ”Опустите меня! Пустите! Я сама уйду с этой земли!”, встала на ноги и, шатаясь, действительно сама взошла по трапу!), и с двадцатичетырехлетним гигантом-сварщиком из Одессы, умирающим от лейкемии на двух разложенных креслах (весь рейс он лежал с кислородной

маской на лице, а его отец и я каждые десять минут трогали его босые желтые ноги – не остывают ли?), – так вот, мы, двадцать семь эмигрантов, и немцы-австрийцы, тут же после взлета прибежавшие из третьего салона на помощь больному (среди них оказался врач, он дежурил возле умирающего весь рейс), – и все это был один полюс, человеческий и естественный. А рядом, всего в нескольких метрах от нас, был полюс другой – четверо кремлевских дипломатов, безучастно засевших в первом салоне, и наш бесстрастный конвой, торчавший в конце салона и наблюдавший за нами с каменно-пустым лицом…

Те четверо дипломатов уже отстранились от нас, «предателей Родины», для них мы перестали существовать как люди, но их представитель с пистолетом под мышкой еще смотрел нам в затылки холодными дулами своих гэбэшных глаз. Больной лейкемией сварщик мог умереть – этот гэбэшник и с места бы не сдвинулся, парализованная старуха могла явить новое чудо, скажем, взлететь под потолок на своих высушенных старческих косточках, – он бы и бровью не повел. Но в таком случае на хрена он летел с нами и на кой черт грел под мышкой табельный пистолет Макарова и семь маленьких кусочков свинца калибра 9 мм? Неужели они боялись, что мы – парализованная старуха, умирающий сварщик и моя шестилетняя племяшка-скрипачка – ринемся в пилотскую кабину, чтобы угнать самолет в Израиль?

Да, боялись!

Они нас ***боялись***! И именно потому он грел под мышкой свой табельный ПМ…

Кто-нибудь из тех австрийцев, американцев и англичан, которые без всякого таможенного досмотра проходили мимо нас на посадку в самолет и с отчужденным изумлением смотрели, как таможенники потрошат наши узлы и чемоданы, прощупывая каждый шов на нижнем белье, изымая серебряные вилки и семейные фотографии, вспарывая пакеты с манной крупой и лекарствами, ломая затворы фотоаппаратов и клавиши пишущих машинок (“А вдруг они золотые?” – с издевкой сказал мне таможенник), – кто-нибудь из них может себе представить, что это такое – жить в стране, где правительство, КГБ, МВД и мудрая правящая партия постоянно боятся своих граждан, держат их под прицелом своих Первых отделов и Пятого управления и греют под мышкой девять граммов свинца персонально для каждого? Греют и с высоты своей власти смотрят на тебя пустыми глазами, ожидая команды, чтобы нажать курок, или бросить тебя в ГУЛАГ, или лишить работы, прописки…»

Блин! думаю я сегодня, почему в той России, которую нынче зовут демократической, никто уже не помнит о том времени? Почему нет в печати голой правды о подсоветской жизни? Почему нет мемуаров про обыденную совковую жизнь в партийных и профсоюзных собраниях и очередях за сахаром и мукой, маслом и мясом по талонам? Почему в школах нет сочинений на тему «проклятое время коммунизма», как мы писали о «проклятом царизме», и почему даже совковый гимн возрожден новодемократическим строем? Право, кто-то мудро сказал, что у народов нет памяти…

Но в то утро я, конечно, ни о чем таком не думал. Я смотрел на эту рыжую фею, упавшую на меня с американского неба, на ее голые плечи в золотых веснушках, говорящих о буйном темпераменте, на ее грудь, темными сосками распирающую линялую майку, и с

плохо сдерживаемым нетерпеним ждал, когда же она закончит читать мое великое творение. Так дрессированный бульдог, сдерживаемый строгим взглядом хозяина, роняя слюни, сидит перед куском свежего мяса, и только мелко дрожащий обрубок хвоста выдает его истинные чувства. Что ей осталось прочесть? Про то, как отцу умирающего от лейкемии сварщика – ветерану войны и боевому орденоносцу начальник шереметьевской таможни не разрешил взять в самолет двадцать пилюль, нужных, чтоб его сын живым долетел до Вены… А теперь про питерскую актрису Лину Строеву, у которой таможенники уже во время посадки в самолет сняли с руки последнее – обручальное – кольцо и отняли даже те сто десять долларов, которые мы имеем право вывезти… А теперь про то, как мою шестилетнюю племяшку Асю не выпустили на балкончик второго этажа аэровокзала, чтобы она махнула рукой своему отцу, оставшемуся в СССР, и как она, ученица школы для одаренных детей при Московской консерватории, достала из футляра свою окованную свинцовыми пломбами скрипку-четвертушку и смычок и стала играть Шестую сонату Генделя, а Белла, ее мать и моя сестра, лихорадочно говорила ей: «Громче! Твой папа услышит! Громче!» – пока не пришла, цокая подковами сапог, суровая таможенница и не прервала этот концерт…

Дочитав, Элианна подняла на меня глаза. Крупные слезы текли по ее щекам и даже по носу. Я подошел к ней, двумя ладонями взял в руки ее лицо и жадными губами выпил эти слезы, как свой самый большой гонорар. Но не остановился на этом, а поцеловал ее в губы, которые покорно открылись навстречу моим губам. Минуту спустя мы уже были на полу, на моем матраце, и…

Ее упругая грудь пахла крыжовником, молоком и медом, ее теплое, с золотой опушкой лоно манило жадной и жаркой лощиной, ее сильные ноги аркой выгибали ее тело навстречу моему напору.

Когда-то в Москве, где я работал в кино, я знал одного композитора-песенника, маленького, как Шаинский, но оч-ч-чень большого бабника, успешно покорявшего чуть ли не двухметроворостых красавиц. «Слушай, как тебе это удается?» – спросил я у него. «Дорогой мой! – улыбнулся он. – Мне самое главное – подвести их к роялю…»

Теперь, как сказано у Бодлера, «с еврейкой бешеной, простертой на постели», упиваясь крыжовником ее сосков и медом сами знаете откуда, я мысленно возопил к небесам: Господи, даже если за каждую главу моего романа Ты будешь награждать меня только таким гонораром, я готов всю жизнь оставаться нищим…

Будущее показало, что Господь услышал мою молитву.

Однако, как говорят в Одессе, «недолго музыка играла» – резкий, громкий и безостановочный звонок в дверь разбудил нас, грешных и абсолютно голых. Утомленные уж не знаю каким раундом любви, мы уснули в обнимку, не укрывшись даже простыней. С трудом выпрастывая себя из полуобморочного бессилия, я сел на матраце и тупо глянул на часы – всего три часа дня! Сквозь открытые окна лупит солнце и гудит близкий мост Джорджа Вашингтона.

А звонок продолжал надрываться.

Кто это может быть? Миша на работе, да у него и ключи есть…

– Who is it? – не открывая глаз, произнесла Эли, даже ее упругие сиси сонно расплылись.

– Не знаю… – Я встал и, завернув бедра в смятую простыню, босиком пошел через гостиную к входной двери. – Иду! Кто там?

– Open the door! (Откройте дверь!) – послышался резкий мужской голос.

Неужели полиция? Какого хрена?

Я остановился перед дверью, в ее замочной скважине ключ торчал дужкой вверх – приведя Эли, я, оказывается, так спешил, что даже не запер квартиру!

– Who is there? (Кто там?) – спросил я снова.

– Open the door! – еще громче и злей приказал голос.

– Oh, my God! – тихо охнула за моей спиной Элианна.

Я оглянулся. Она, голая, стояла на пороге моей комнаты, и ужас застыл в ее глазах.

– It's my father…

Ее отец?! Каким образом?

Тут, отпустив звонок, он двумя кулаками загремел по двери.

– Open immediately! (Откройте немедленно!)

– Just a second… (Одну секунду…) – потянул я время, наблюдая, как Эли скачет на одной ноге, пытаясь второй попасть в свои джинсовые шорты. Ее рыже-солнечный лобок смешно скакал вместе с ней.

– Open right away! (Откройте сейчас же!) – гремел между тем голос из-за двери.

– One moment, please…

Наконец, Эли натянула тесные шорты на свои роскошные бедра, метнулась за майкой в комнату и тут же выскочила обратно, снова прыгая на одной ноге и обувая на ходу босоножки.

Удары его кулаков уже сотрясали хлипкую дверь.

Я шагнул к этой двери и распахнул ее настежь.

Передо мной стоял высокий, метр девяносто, не меньше, штандартенфюрер Штирлиц в строгом сером костюме, белой рубашке и бордовом галстуке. Он был моим ровесником, ну, или чуть старше.

– It's open (Она открыта), – произнес я невинно.

Он не обратил внимания на эту иронию, его ледяные глаза посмотрели на меня сверху вниз презрительно, как на вошь.

– Elian, go home! (Элиан, домой!), – сказал он поверх моей головы. – Now! (Сейчас же!)

Это now прозвучало, как удар хлыстом, и Эли, съежившись, тут же нырнула мимо меня в щель между фигурой отца и дверным косяком.

А он повернулся и, не дожидаясь лифта и не сказав мне ни слова, пошел за ней вниз по лестнице.

И это потрясло меня больше всего. Я, который только что любил или, говоря по-русски, имел его дочь, был для него никто и даже – ничто.

Раздавленный, я подошел к окну, выходящему на 189-ю стрит. Где-то сбоку, справа, по-прежнему гудел мост Джорджа Вашингтона, и внизу, в узком просвете улицы, широкое зеркало Гудзона отражало заходящее солнце. А прямо подо мной, через дорогу, Элианна, газуя сверх всякой меры, нервно, рывками выводила с парковки своего синего торпедообразного монстра по имени Shevrolet Corwette Stingrey 1976 года. И рядом с ней, но чуть позади, не то пастухом, не то надзирателем нависал черный Mercedes-Benz 560 SEL. На его лобовом стекле ветер трепал прижатую «дворником» розовую квитанцию-штраф за нелегальную парковку посреди мостовой. Но хозяин «мерседеса» даже не счел нужным снять эту квитанцию. Дождавшись, когда «корвет» выехал на проезжую часть и рванул вверх по улице, он конвоиром покатил за своей дочерью.

Я проводил их взглядом и еще постоял у окна, слушая рев ее машины, все удаляющийся в сторону Квинса и Лонг-Айленда. А потом перевел взгляд на свой матрац, сдвинутый нашими страстями поперек комнаты. Рядом с ним, на полу, пеной этих страстей валялись скомканные простыни.

Н-да, – горько сказал я сам себе, – недолго музыка играла…

10

В печку интереса эмигрантов к WWCS – первой русской радиостанции в США – нужно было постоянно подбрасывать информационные дрова, чтобы люди знали и видели, на что мы расходуем присланные ими деньги. Поэтому раз в неделю я публиковал в «Новом русском слове» репортажи и фотографии из нашей будущей студии на двенадцатом этаже офисного здания № 500 на Восьмой авеню. Здесь Карганов и Палмер сняли под нашу радиостанцию целую анфиладу комнат, и я подробно описывал, как Дмитрий Истратов и Арнольд Басов, бывшие звукорежиссеры Киевской киностудии, радиоинженер Михаил Каплан и инженер трансляционного центра WBIA Джей Гольберг монтируют новенькую звукотехнику и радиооборудование, как столяры обивают стены будущей студии пробковыми щитами для полной звукоизоляции от шумов Восьмой авеню и расположившейся по соседству, на нашем же этаже, редакции газеты «Новый американец» во главе с Сергеем Довлатовым, Виктором Меттером и Евгением Рубиным, а мебельщики заполняют новыми канцелярскими столами, креслами и шкафами мой кабинет, фонотеку и комнату редакторов и синхронных переводчиков.

В ответ на эти репортажи приходили новые чеки и посылки для нашей фонотеки – грампластинки и кассеты с классической музыкой, песнями Вертинского, Утесова, Козина, Шульженко и других звезд российской эстрады, а также передачами «Радионяни». Хотя грабители шереметьевской и брестской таможен отнимали у эмигрантов ковры, серебряные ложки, обручальные кольца и даже семейные фотографии, принуждая нас всех становиться ярыми антисоветчиками, мы не расстались с Россией, а увезли ее с собой тоннами книг и грампластинок…

А еще я занимался составлением будущих радиопрограмм, подбором синхронных переводчиков и пиарил наше будущее радио не только в русской колонии, но и в высоких американских кругах. И, конечно, в этом моей первой помощницей стала Элианна Давидзон – как же без этого!

Ах да, я забыл рассказать, как она вернулась. Впрочем, сами понимаете, не мог же отец запереть ее дома и не пускать даже на занятия в Columbia University – Колумбийском университете. Тем более, что за летний курс в High Business school, Высшей бизнес-школе этого университета, он заплатил 2200 долларов! А кампус этого университета находится как раз на западе 116-й стрит, то есть всего-то в семидесяти трех кварталах от меня по Риверсайд-драйв. И вышло, что я, оказывается, очень удачно поселился – что такое семьдесят кварталов для «шевроле-корвет» мощностью 270 лошадиных сил?! Ровно через четыре дня после позорного бегства Эли из моей квартиры, рано утром и буквально через минуту вслед за тем, как Миша ушел на работу, раздался телефонный звонок. Продирая глаза, я сонно подошел к телефону:

– Алло…

– It’s me, – робко сказала она. – Can I come over? (Это я. Могу я зайти?)

– Sure…

Я выглянул в окно. На улице Миша отъезжал с парковки на своем трижды латаном-перелатаном «понтиаке», а на его место, всхрапывая мотором, уже парковался ее синий монстр. Эли, я понял, стояла тут давно и, как только увидела, что Миша вышел из дома, позвонила с угла, из уличного телефона-автомата.

Но теперь мы уже не теряли время на чтение следующих глав моего нетленного «романа века». Как сказано у непревзойденного Исаака Бабеля: «Я не знаю, когда она успевала снять перчатки». Едва я закрыл за Эли входную дверь (на этот раз двумя поворотами ключа), как она, опередив меня, уже лежала абсолютно голая на моем еще теплом матраце и,

простирая ко мне руки и высокую грудь с призывно торчащими сосками, виновато смотрела на меня снизу вверх своими лукаво-карими глазами.

Я вспомнил, что Элианна на иврите אֶלִיעַבָה (הבָעַילָא) – «подарок Бога», и рухнул в ее чресла, раскинувшиеся победным знаком «V».

– I have only twenty six minutes to my lessons in my University, – шепнула она. (У меня только двадцать шесть минут до занятий в университете.)

Так началась эта игра в «кошки-мышки» с ее по-немецки настырным еврейским отцом. Очень скоро он просек сексуальные эскапады своей распутной дочери и стал выслеживать ее у меня до и после занятий в Business school Колумбийского университета. И первый раз ему это удалось довольно легко – по ее синему «шевроле-корвету». Обнаружив его на 189-й улице, мистер Давидзон уже наверняка знал, где его дочь, и вновь ломился в мою дверь. Но на этот раз я нашел противоядие. Подтянув телефон на всю длину провода поближе к входной двери, я, не снимая трубку, набрал на скрипучем диске «011» и закричал нарочито испуганно:

– Police! Help! Somebody is breaking my door! My name? I am Vadim Dvorkin! My address? It's 350 West 189 Street, apartment 4K… (Полиция! Помогите! Кто-то ломится в мою дверь! Как меня звать? Я Вадим Дворкин! Мой адрес? 350 Вест 189 стрит, квартира 4К…)

В ту же минуту мистера Давидзона как ветром сдуло.

Мы с Эли осторожно выглянули в окно.

Мигая аварийными огнями, черный «мерседес-бенц 560 SEL» упрямо стоял напротив парадной двери моего дома.

– I have to go, – горестно сказала Эли. – Я должна идти.

– Откуда он знает мой адрес?

– Я дура, – призналась она. – Когда ты позвонил и продиктовал свой адрес – помнишь? – я так спешила к тебе, что оставила эту записку на столе.

– Как же ты меня нашла?

– Ну, я же в бизнес-скул, у меня хорошая память…

11

Это был очередной вечер нашего Культурного центра в синагоге на 72-й стрит. Поскольку сарафанное радио и «Новое русское слово» разнесли по кругам русской эмиграции восторги о нашем первом вечере, зал был не просто переполнен – люди стояли даже вдоль стен! Но я приготовил им совсем другую программу.

Арнольд Басов, в прошлом звукорежиссер Киевской киностудии, включил «Хава Нагилу». Прослушав первые такты, я жестом дал ему знак смикшировать звук и сказал в микрофон:

– Добрый вечер, друзья! Сегодня у нас необычный вечер. Сегодня в зале сидят Дэвид Харрис, которого вы все знаете по Вене и Риму… Подождите аплодировать. Рядом с ним Людмила Торн из «Дома Свободы», Эстер Рутберг из «Юнайтед Джуиш Апил» и Грета Шитакес, моя и ваша ведущая из НАЙАНЫ. И здесь же ребе Кугел, директор этой синагоги, который не понимает по-русски, но я посадил к нему Элианну Давидзон, она ему все переведет. А теперь можете им поаплодировать, потому что это они боролись за то, чтобы нас выпустили из СССР, ходили на демонстрации, доставали своих конгрессменов и собирали деньги на нашу дорогу и наши пособия в Америке.

Зал охотно зааплодировал, гости принужденно встали и поклонились залу.

– А сейчас, – сказал я со сцены, – как президент Культурного центра, которого вы сами выбрали, я хочу открыто и честно сказать нашим гостям, что все, что вы рассказывали им в ХИАСе, в Американском посольстве и в НАЙАНЕ о бедственном положении евреев в СССР, – чистая ложь!

Зал возмущенно загудел, послышались голоса:

– Как ты смеешь? Негодяй! Предатель! Вон со сцены!

Я поднял руку:

– Одну минуту! Сейчас я вам докажу, что быть евреем здесь, в Америке, куда труднее, чем в СССР. Здесь, чтобы быть евреем, нужно ходить в синагогу, соблюдать еврейские праздники и, конечно, сделать себе обрезание. Иначе кто будет считать вас евреем? А в Советском Союзе? Если у вас папа или мама евреи – всё, вы уже еврей на всю жизнь, даже обрезание делать необязательно! Есть у вас обрезание или нет, знаете вы идиш или не знаете, соблюдаете субботу или не соблюдаете – неважно, всё равно вы еврей, и всё тут!..

Зал успокоился – понял, что я их развел.

– Правда, – сказал я, – некоторые пытаются уйти от своего еврейства, меняют фамилии, имена и отчества, и в паспорте, в графе «национальность», им за большую взятку пишут в милиции, что они русские, украинцы или даже узбеки. Но это не помогает. Потому что есть у нас такая поговорка: бьют не по паспорту, бьют по морде. А поговорки, как вы знаете, это выражение народного опыта. Представьте, какой опыт мордобоя нужно было схлопотать, чтобы родилась такая поговорка!

Тут Басов, сидя у магнитофона, включил «Эх, дубинушка, ухнем!».

Зал засмеялся.

Переждав первый куплет, я снова дал Арику знак смикшировать звук и продолжил:

– Я вам больше скажу! Однажды моя сестра ехала автобусом с работы. Это было в центре Москвы, на Ленинградском проспекте, в пять часов дня. Сидя в автобусе, моя сестра достала из сумки книжку Баха Jonathan Livingston Seagull, «Чайка по имени Левингстон», и стала читать. И вдруг сидевший рядом хмельной мужик толкнул ее локтем в бок и сказал на весь автобус: «Видали, бля! Жидовские книжки тут читает! Ты вали в свой Израи́ль жидовские книжки читать! А у нас тут нехер ваши жидовские книжки читать, тут вам не библио́тека!»

Сестра пересела на другое место, но мужик двинулся за ней и стал толкать ее в спину, крича на весь автобус: «Вот жидовье! Пошла отсюда! Там будешь свои жидовские книжки читать!»

Был полный автобус пассажиров, но никто не заметил, что у нее в руках не еврейская книжка, а английская. Так он и вытолкал ее из автобуса. Так что, как видите, даже англичанин может в СССР стать евреем, если будет на людях английские книжки читать…

Басов включил советскую эстрадную песню: «Не повторяется такое никогда…», и зал опять засмеялся.

– Нет! Это неправда! – прокомментировал я. – Еще как повторяется! В Киеве мой приятель ехал в трамвае, и на остановке в трамвай вошла женщина с собачкой. А собачка, извините, вдруг взяла и пописала. Пассажиры стали возмущаться – безобразие, почему разрешают в трамвае с собаками ездить? И тут поднимается один мужик и говорит: «Та шо вы шумите? Якшо мы жідов терпім, шо воны з нами іздят, так собак тім білше можно терпеть!»

А теперь подумайте, кто в такой обстановке может не только жить, но стать победителем и народным любимцем?..

Тут Басов включил песню Эдуарда Хиля: «А нам не страшен ни вал девятый, ни холод вечной мерзлоты! Ведь мы ребята, ведь мы ребята…» – и зал со смехом зааплодировал.

– Вот именно, – сказал я внахлест. – Мы еще те ребята! В Советском Союзе никто не может испытывать такой радости быть победителем, как евреи! С помощью процентных норм и запретов там на каждом шагу создают условия, чтобы ты был вынужден стать самым талантливым, самым знающим и, вообще, самым лучшим!

Музыка – «Вся жизнь впереди, надейся и жди…»

А я продолжал:

– И до того в СССР дошла забота о евреях, что никого там не отпускают жить за границей… Если какой-нибудь украинец или узбек напишет заявление в ОВИР, что хочет уехать из СССР, то его за это или в тюрьму, или в психушку сажают. А евреям – нет, нам опять привилегии, тысячи евреев каждый год уезжают теперь кто в Америку, а кто – даже в Израиль! Представляете, во враждебную страну, с которой у СССР никаких нет отношений! Ну разве это не проявление заботы партии о евреях? Ведь ни одна нация не имеет таких возможностей!

Музыка – украинский хор с песней «Я славлю партию!..» и – хохот в зале.

Прослушав часть этой кантаты, я снова дал Арику знак смикшировать звук и сказал:

– А теперь я скажу вам главное: быть евреем в СССР не только почетно, но и выгодно! Да, не удивляйтесь! Сегодня в Баку еврейская невеста стоит десять тысяч рублей! За что платят такие деньги? Только за то, чтобы еврейка согласилась на фиктивный брак с азербайджанцем и вывезла его из СССР! И вот я хочу, чтобы с помощью нашего радио WWCS весь мир узнал о том, что сейчас в России наступил исторический период обращения азербайджанцев, грузин, русских и даже украинцев в евреев! Русские, армяне, литовцы и даже калмыки дают взятки, чтобы в архивах паспортных столов «нашлись» данные, будто их родители евреи. А один мой знакомый художник по имени Сергей Иванов пришел в ОВИР и потребовал, чтобы его выпустили в Израиль, потому что он еврей. «Как так? – сказали там. – Какой ты еврей? Ты же Иванов Сергей Иванович!» – «А я чувствую, что я еврей!» – «Но у тебя папа чистокровный Иван Сергеевич Иванов! И мама русская, вот же документы!» – «А я чувствую, что я еврей!» И, представьте, его отпустили из СССР как еврея! Разве это не исторический период? Веками нас крестили, убивали, мазали губы салом, называли жидовскими мордами, уничтожили синагоги, еврейские школы, газеты и театры, и вдруг – дожили! Русские записываются евреями! Полтавские антисемиты платят взятки, чтобы им прислали вызовы из Израиля! Грузины мечтают выдать своих дочерей не за грузин, а за евреев! Латыши мечтают жениться не на латышках, а на еврейках! А вы говорите, плохо

быть евреем в СССР! Путем особой конкуренции советская власть постоянно поддерживает в нас дух борьбы и азарт быть победителем. Даже если ты не хочешь принимать участие в этой борьбе и записываешься русским, рано или поздно тебя все равно разоблачат и – бац по морде! А ну-ка, жидовская морда, хотел скрыть, что ты еврей? Не выйдет! Давай становись самым лучшим, самым умным и самым талантливым! Как Чухрай! Как Ландау! Как Утесов! Как Ботвинник! Как Барто! Как Бернес! Как Эфрос! Как Инбер! Как Левитан! Как Каверин! Как Маршак! Как Галич! Как Корчной! Как Тухманов! Как Драгунский! Как Светлов! Как Гроссман! Как Полевой! Как Высоцкий! Как Митта! Как Быстрицкая!..

Зал не выдержал и начал аплодисментами вторить моему речитативу. А я продолжал:

– Как Раневская! Как Дунаевский! Как Райкин! Как Володин! Как Крамаров! Как Ромм! Как Юлиан Семенов! Как Горин! Как Кунин! Как Гердт! Как Брагинский! Как Кобзон! Как Долина! Как Броневой! Как Бродский!..

Тут зал встал и, стоя, стал аплодировать в ритме моего списка. Но я поднял руку:

– Минутку! Сейчас вы сядете! Как Троцкий! Как Свердлов! Как Каганович! Как Шварцман, пытавший еврейских врачей…

Зал возмущенно загудел и сел.

А я сказал:

– Ладно, давайте и дальше начистоту! Советская пресса называет нас «колбасной» эмиграцией. Мол, мы с вами уехали в Америку за жратвой. И здесь кое-кто тоже так считает и относится к нам презрительно, видят в нас только швейцаров и полотеров. Так вот, я прошу встать всех, у кого в Союзе не было колбасы. Не стесняйтесь! Пожалуйста, режиссеры, артисты, художники, врачи, журналисты, адвокаты! Если у вас в России не было в холодильнике колбасы, масла, сыра, мяса – что там еще? Встаньте, пожалуйста!

Никто не встал, ни один человек. Зато все с любопытством крутили головами по сторонам.

Я сказал:

– Тогда я тоже сяду. Для полноты картины. Даже при тотальном дефиците на продукты, одежду и все остальное мы там были и сыты, и одеты, и даже имели автомобили. Ведь мы были самые талантливые и, вообще, самые-самые. А в Америку я приехал – тут все наоборот. Тут даже евреи меня евреем не считают. Они говорят: «Ду ю спик идиш? Ду ю религиус? Дид ю хэв брит-мила?». Нет, говорю, откуда мне знать идиш, если в СССР нет ни одной еврейской школы? И как я могу быть религиозным, если еще в детском саду меня сделали атеистом? И как я мог иметь бармицву, если в тот год, когда мне исполнилось четырнадцать, в Полтаве разбили последнюю синагогу? А они говорят: ах так? Значит, ты не еврей! Постойте, говорю. А как же моя еврейская мама? А как же все мои дедушки и бабушки, до восьмого колена чистокровные евреи? Разве это не в счет? Нет, говорят, это не в счет. Вот у нас, говорят, в синагоге есть один японец, у него мама и папа японцы, а дедушки и прадедушки – вообще, самураи, но он ходит в синагогу, соблюдает кошер и субботу, сделал себе обрезание и выучил иврит – вот он настоящий еврей. А ты, говорят, гой[4].

Мама моя Сарра! Бабушка Стерна! Прабабушка Хая! Вы видите, что происходит? Сначала они тут боролись, чтобы меня выпустили из СССР, ходили на демонстрации, атаковали ООН и Советское посольство, а когда я, наконец, согласился на их уговоры, покинул такую замечательную страну, как СССР, где меня на каждом шагу считали евреем, и приехал к ним в Америку – так теперь они не хотят признавать меня евреем! Ну вы только подумайте! Никаких льгот за то, что я еврей, тут нет. Никому не надо доказывать, что я самый талантливый, всем на это плевать, даже в НАЙАНЕ! И никто не хочет выйти за меня замуж, чтобы иметь возможность уехать со мной в Израиль! Но это ужасно! Даже в сабвее, когда я пытаюсь

[4] Гой – не еврей (идиш).

читать английскую книжку, никто не кричит мне «жидовская морда». И даже когда совершенно нагло держу в руках еврейский «Форвард» или израильский «Моарив» – все равно никто на меня не обращает внимания! Это выводит меня из себя. Я не умею жить, чтобы все вокруг делали вид, будто не видят, что я – еврей! И вот я предлагаю две вещи. Первое: от имени нашего Культурного центра призвать всех советских евреев выйти на демонстрацию против нашей дискриминации в США. И второе: раз уж мы, русские евреи, с детства приучены побеждать в любой конкуренции, то на фига нам учить английский язык? Неужели мы Америку не научим говорить по-русски? Ведь первое русское слово – «водка» – Америка уже выучила. Осталось совсем немного – научить ее кричать «жид» и «жидовская морда». После этого все американские евреи сразу поймут, как прекрасно быть евреем в СССР.

И Арик Басов снова включил «Хава Нагилу».

А Грета Шитакес, моя бывшая ведущая из НАЙАНЫ, сказала мне, выходя из зала:

– I knew from the beginning that you were a son of a bitch! (Я с самого начала знала, что ты сукин сын!)

12

Конечно, в следующий раз Элианна поставила свою машину в трех кварталах от меня, на South Pinehurst Drive. Но и мистер Давидзон был не лыком шит, он с немецкой дотошностью объехал с десяток кварталов вокруг, нашел-таки ее синий «шевроле-корвет», но не стал, конечно, ломиться в нашу дверь, а начал названивать нам по телефону. Не зная поначалу, что это он, я после десятого, наверное, звонка, все-таки отжался от разгоряченной Эли, вышел в гостиную и снял трубку: «Алло!» Но ответом было молчание. «Алло, говорите! – нетерпеливо повторил я, еще храня и нянча свое возбуждение. – Чурайс, это ты?» Снова тишина. Я бросил трубку и пошел в свою комнату к «еврейке бешеной», простертой на матраце. Но не успел и нагнуться к ней, как новый телефонный звонок заставил меня вернуться в гостиную. «Fuck!» – выругался я не столько по поводу этого телефона, сколько по поводу падения сами знаете чего. И снял трубку:

– Алло!

Никто не ответил.

– Алло! Да говорите же, блин!

– It's him… – сказала Эли за моей спиной.

Я повернулся. Она стояла у окна и кивком головы показывала на улицу. Там, через дорогу, мигая габаритными огнями, снова торчал черный «мерседес» ее отца. А его высокая фигура маячила поодаль в телефонной будке на углу.

Не давая отбоя, я положил трубку рядом с телефоном, обнял Эли за талию и потащил обратно на матрац.

Но вы смогли бы заниматься любовью под непрерывное пиканье телефонной трубки?

– I need to go… (Мне нужно идти…) – сказала Эли, когда я бессильно откинулся на спину.

И так это продолжалось неделями. А потом мы все-таки придумали, как прятать от него ее машину, – Эли ставила ее на платный паркинг в ближайший подземный гараж на Бродвее угол 186-й стрит. Но, во-первых, это стоило шесть долларов за полчаса. Во-вторых, пока она бежала оттуда ко мне, а от меня туда, мы из этого получаса теряли от восьми до десяти минут. А в-третьих, когда она, опаздывая, конечно, на занятия, приезжала в университет, ее отец уже стоял у входа в шестиэтажное здание Business School. Не знаю, получала ли она оплеуху, Эли никогда не говорила мне, как он ее встречал. Будь я на его месте, я бы наверняка врезал ей так, как это положено в России. Но он был американским адвокатом, компания Kroll & Davidzon Park Avenue Law Consulting Ltd., и не мог поднять руку даже на дочь, в Америке любой публичный скандал чреват потерей клиентуры и бизнеса.

Но больше всего меня бесило то, как он игнорировал меня – напрочь и категорически. Словно я ничто и имя мое никто. Словно я кусок дерьма, плевок или жвачка, которую нужно просто стряхнуть с его единственной дочери. Да если бы он пришел ко мне с бутылкой или – черт с ним, даже без бутылки, а просто как мужчина к мужчине и поговорил со мной по-мужски, даже набил бы мне морду – при его росте и весе это было вполне возможно, – я, быть может, если и не отстал бы от Эли, то хотя бы объяснил ему, кто я и что, – **уже** президент Культурного центра и главный редактор первой русской радиостанции в США! **Уже** лауреат премии имени Бориса Смоляра, а в будущем…

Но ему было совершенно наплевать на мое настоящее и будущее.

И потому в те двадцать минут, на которые прибегала ко мне его дочь, я любил ее с таким мстительным напором, что она задыхалась от своих непрерывных оргазмов, отползала от меня к стене и кричала: «Все! Хватит! Все! Я не могу больше!»

Но, как я уже цитировал великого русского философа и антисемита, женщина испытывает чувство благодарности мужчине за каждый акт соития. И если я еще не знал, относится ли это к китаянкам, то к американской еврейке Элианне это относилось целиком и полностью, иначе она бы не летала ко мне каждые два дня на своем «шевроле-корвете».

А потом, в начале августа, мистер Давидзон, как все нью-йоркские миллионеры, вообще улетел с женой на Martha's Vineyard, элитный остров вашингтонских политиков возле Кейп Кода, и Эли стала работать со мной в WWCS. С ее помощью я на прекрасном английском языке стал рассылать сотни писем во все правительственные организации и фонды с подробным описанием значимости нашей будущей радиостанции и получать в ответ поздравления и Good luck! от конгрессменов и даже от губернатора штата Нью-Йорк, которые я тоже публиковал в «Новом русском слове». Таким образом, престиж нашей будущей радиостанции поднялся так высоко, что когда я привез Элианну на экскурсию по Брайтону (ну, или она привезла меня туда на своем реактивном «Шевроле-Корвете»), Марик «Гром», хозяин магазина International Food, огромного, как «Елисеевский» в Москве, но с полным американо-украинско-кавказским ассортиментом продуктов и собственными кондитерским и коптильным цехами, тут же повел нас наверх, в свой кабинет на втором этаже, налил по рюмке какой-то уникальной настойки собственного приготовления и сказал с укором:

– Вадик, ну зачем ты написал в газете, что у меня есть рыболовный флот?

– Марик, я же делаю из тебя легенду Брайтона!

– Пока ты делаешь из меня легенду, ко мне приходят крутые ребята и требуют бабки за протекшн не только магазина и ресторана, но и флота.

– А разве у тебя еще нет флота? – делано удивился я.

– Конечно нет.

– Так будет, поверь мне! – и я повернулся к Элианне: – Эли, посмотри на него. В этом маленьком еврее вся энергия нашей нации. Когда-нибудь я напишу роман «Легенды Брайтона», и он будет главным персонажем! Потому что этот маленький одессит приехал сюда всего шесть лет назад, когда тут только начинали селиться первые эмигранты. Тогда – скажи ей, Марик, – здесь был сплошной гармидер[5], грязь и террор черных бандитов и наркоманов.

– Это правда, – подтвердил Марик. – Давай выпьем.

– Подожди, – попросил я. – Дай мне представить тебя настоящей американке! Марик с женой поселился тут, потому что рядом море, как в Одессе, и пошел работать таксистом. А когда наших тут стало прибывать, он арендовал в местном «гроссери стор» кусочек прилавка, поставил за него свою жену и на своем такси стал возить ей из «Астории», где живут украинцы, полтавскую колбасу, пельмени, вареники с вишнями и что еще, Марик?

– Ну, всякое… – сказал Марик. – Давай вже выпьем!

– И ты видишь, что из этого вышло? – я обвел рукой вокруг. – Сейчас у него двухэтажный магазин и ресторан со своими кондитерским и коптильным цехами.

– Но флота нет, – сказал Марик.

– Так будет! – снова сказал я. – За это и выпьем!

Мы выпили, и я спросил:

– Марик, как мне найти Якова Майора?

– А зачем тебе Яша? – спросил Марик.

– У нас же скоро открытие станции. Я сделаю цикл передач про самых легендарных людей нашей эмиграции. Майор будет второй легендой после тебя.

Марик польщенно улыбнулся и снял телефонную трубку:

[5] Беспорядок (идиш).

– Сема, найди мне Яшу Майора. И еще. Сейчас к тебе придет Дворкин с настоящей американской красавицей. Накорми их по-нашему.

– Марик, – удивился я. – Ты что, был в Тарасовке в «Кооператоре»?

– Никогда не был, а что там? – спросил он.

– О, это целая история. Когда-нибудь я опишу ее в своем романе, а сейчас, если хочешь, расскажу вам двоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.